

ФРАНЧЕСКА
КАРТЪЕ БРИКЕЛЛ

КАРТЪЕ

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ,
СОЗДАВШЕЙ ИМПЕРИЮ РОСКОШИ

**Франческа Картье Брикелл
Картье. Неизвестная
история семьи, создавшей
империю роскоши
Серия «История моды в деталях»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67779585

Картье. Неизвестная история семьи, создавшей империю роскоши:

Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-170017-1

Аннотация

История легендарного бренда описана в десятках книг. Но ни одна из них, как бы великолепно она ни была изложена, не способна сравниться с трудом самого члена семьи. Франческа Картье Брикелл, прадед которой был самым младшим из братьев-основателей ювелирного Дома, провела более десяти лет, путешествуя по миру в поисках подлинной и неизвестной до сегодняшних дней истории Cartier.

Эта книга – невероятно захватывающий рассказ о трех братьях, превративших скромный парижский ювелирный магазин своего деда в мировую империю роскоши. Их девиз гласил: «Никогда не копируй, только создавай», и у каждого был свой талант: Луи – дальновидный дизайнер, создавший

первые мужские наручные часы, чтобы помочь другу-авиатору определять время, не отрывая рук от управления самолетом; Пьер – мастер сделок, купивший нью-йоркскую штаб-квартиру на Пятой авеню за кольцо из натурального жемчуга; и Жак – эксперт по драгоценным камням, чьи поездки в Индию открыли Cartier доступ к лучшим в мире рубинам, изумрудам и сапфирам.

«Картье» – это десять лет исследований, архивные фото, личные письма и свидетельства тех, кто когда-то работал или был знаком с семьей и брендом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	20
Вступление	23
Часть I	37
1	38
Часть II	106
2	107
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Франческа Картье Брикелл Картье. Неизвестная история семьи, создавшей империю роскоши

© Елена Веселая, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«Не по карману шоппинг в Cartier? Эта книга – то настоящему ценное, что вы сможете себе позволить... Воспоминания дедушки Франчески Брикелл – кладезь знаний, благодаря которым история компании стала доступна каждому. И впечатлит даже тех, кто далек от ювелирного искусства».

– The New York Times Book Review

«Захватывающая семейная биография, объединившая историю ювелирного дизайна и атмосферу высшего общества двух столетий... [Эта] изящно написанная книга отмечена знаком качества Cartier».

– The Economist

«Невероятная история восхождения семьи [Картье] от простых ремесленников до создателей, творцов, суперпродавцов и друзей самых богатых и знаменитых».

– The Spectator

«Даже если вы думаете, что разбираетесь в украшениях Cartier, а в вашей библиотеке есть хотя бы несколько из более чем двух дюжин книг об этом французском Доме, вам следует найти место еще для одной... Брикелл, как исследователь, по-настоящему увлеченный своей темой, оживила Cartier и его историю».

– Airmail

«История этой семьи бессмертна и бесконечно увлекательна. Книга обязательна к прочтению для каждого, кто интересуется не только историей Cartier, но и всемирной историей роскоши».

– Hodinkee

«Франческа Картье Брикелл раскрывает увлекательную биографию ее знаменитых предков – братьев Картье, – демонстрируя связь прочнее любого алмаза».

– Tatler

«Захватывающая картина социальной истории начала

двадцатого века, рассказанная через призму одной невероятно знаменитой семьи».

– Town&Country

«Искусно задокументировано... История семьи Картье – это история создания богатства в девятнадцатом и двадцатом веках, когда оно волной переходило от одной страны к другой».

– Bloomberg

«Книга «Картье» – настоящая находка для всех профессионалов в области ювелирного дела».

– JCK

«Семья [Картье] на протяжении четырех поколений была свидетелем событий, которые сформировали мир таким, каким мы его знаем сегодня».

– GQ India

«За всем ослепительным блеском и роскошью скрывается история семьи, которая поднялась по социальной лестнице, шаг за шагом создавая огромную ювелирную империю. Такие истории всегда рассказывались от третьего лица, пока не вышла в свет книга «Картье». Представительница шестого поколения семьи, Франческа Картье Брикелл дает читателям эксклюзивную возможность заглянуть за кулисы ста-

новления бренда, созданного ее предками».

– Vogue India

«Невероятная монография, в которой рассказывается о семье, «по кирпичику» построившей одну из самых престижных и признанных во всем мире ювелирных империй».

– New York Journal of Books

«Книга «Картье» заслуживает внимания всех, кто неравнодушен к ювелирным украшениям! Франческа Картье Брикелл как главный инсайдер раскрывает секреты семьи и бизнеса. Подробно, увлекательно и завораживающе!»

– Фрэнк Эверетт, старший вице-президент Sotheby's Jewelry

«Франческа Картье Брикелл мастерски восстанавливает удивительную историю своей семьи с помощью содержимого чемодана, найденного на чердаке ее деда. В результате получился завораживающий рассказ о братьях Картье и создании культового люксового бренда».

– Андре Леон Талли, автор книги «Мои шифоновые окопы», бестселлера по версии New York Times

«Потрясающая книга, которая не только чутко повествует о семейных связях, но и отражает невероятную историю отношений между Картье, махараджами и Индией».

– Радхикарадже Гэквэд, махарани Бароды

«По-новому взглянув на историю Картье, Франческа Картье Брикелл сплела воедино детали, которые она узнала из семейных писем и дневников, со своим собственным исследованием личностей, стоявших за созданием легендарных драгоценностей. Благодаря интервью с бывшими сотрудниками и их потомками, а также с несколькими поколениями продавцов драгоценных камней и клиентов, она создала историю одновременно обширную и личную. Это в высшей степени одна из лучших работ об одном из самых выдающихся ювелирных Домов».

– Бет Карвер Уиз, Рут Бигелу, куратор американского декоративного искусства в Музее искусств Метрополитен

«Несмотря на то что я проработал в Cartier двадцать восемь лет – семья наняла меня 17-летним дизайнером сразу после окончания художественной школы, – я всегда чувствовал, что многое в истории фирмы было забыто или окутано тайной. Книга «Картье» все изменила. Это важное издание, которое я от всего сердца рекомендую тем, кто любит стиль ювелирного Дома».

– Альфред Дюрант, дизайнер Cartier (1954–1982) и бывший вице-президент по дизайну и производству

«Увлекательная книга, потому что это работа настоящего

историка, потому что это феноменальная история, и потому что она рассказана изнутри».

– Мишель Бимбене-Прива, куратор предметов искусства, музей Лувра

«С помощью давно потерянных писем и дневников ее предков Франческа Картье Брикелл рассказывает очень личную историю о том, как бизнес ее семьи завоевал мир роскоши, невзирая на революцию, войны и мировой экономический кризис. Книга «Картье» – ценная находка».

– Дуглас Смит, автор книги «Бывшие люди. Последние дни русской аристократии»

«Изящный почерк автора и талант переплестать основное повествование с цитатами из писем братьев оживляют давно ушедшие времена, когда мастерство и эксклюзивность шли рука об руку. Роскошная, великолепно изложенная семейная биография».

– Kirkus Reviews

«Фантастическая книга... Было интересно узнать о личных историях членов семьи, об их взлетах, падениях и причинах успеха».

– Арно М. Бамберже, бывший директор по продажам и исполнительный председатель Cartier Ltd.

«Увлекательное повествование о частной и публичной жизни одной из великих ювелирных династий. Содержательный рассказ о членах семьи и их взаимоотношениях, история, которая в красках иллюстрирует развитие международного творческого предприятия».

– Ричард Эджкамб, Музей Виктории и Альберта

«Трогательная, вдохновляющая и завораживающая книга Франчески – это подлинный инсайдерский рассказ о маленькой семейной фирме, которая выросла и стала одной из самых известных компаний в мире. Потрясающее чтение».

– Гарри Фейн, специалист Cartier по винтажу и автор книги «Reflections of Elegance»

«Блестящая проза. Франческа Картье Брикелл раскрывает потерянные семейные архивы и делится с нами историей трех братьев, превративших маленький парижский кораблик в мировой лайнер любви и роскоши. Частично семейная сага, частично мечта любителей драгоценностей, частично экскурс в историю – это просто восторг, а не книга... в которой каждый найдет что-то для себя».

– LitHub

«Четыре поколения гения, гламура и амбиций представлены на суд читателей в повествовании Франчески Картье Брикелл о закулисной жизни ее предков».

– Аманда Формен, автор книги «Мир в огне», бестселлера по версии New York Times

«Увлекательное чтение, интересно написанная книга с большим количеством свежих фактов о семье Картье, о которых мы раньше ничего не знали».

– Мартин Чепмен, Музей изобразительных искусств Сан-Франциско, автор книги «Cartier and America»

«Блестящая история... Франческа Картье Брикелл ловко переплела общественные и политические события с непубликуемыми ранее документами и рукописными материалами семьи».

– Ральф Эсмерян и Бонни Селф

«В этой блестящей семейной биографии династия французских ювелиров пережила войны, финансовый крах и тренд на повседневную моду... Увлекательное исследование истории ювелирных украшений и высшего общества на пике его развития».

– Publishers Weekly (похвальный отзыв)

«Брикелл приглашает нас в увлекательное путешествие, которое расширит наше представление о творческих процессах, лежащих в основе некоторых из самых красивых, исторических и знаменитых украшений, созданных Cartier».

– Дафна Лингон, глава ювелирного отдела Christie's, Америка

«Красноречивая история... Хотя бриллианты, изумруды и сапфиры в самом деле поразительны, главные в этой замечательной книге – члены семьи Картье».

– Соня Пернелл, автор книги «A Woman of No Importance», бестселлера по версии New York Times

«Захватывающий рассказ о трех братьях, потрясающих драгоценностях и людях, которые их жаждали».

– Джефф Пост, куратор в Национальном музее естественной истории Смитсоновского института

«Независимо от того, являетесь ли вы опытным экспертом или новичком в истории ювелирных украшений, это в высшей степени увлекательная и проникновенная история о том, как формировалось состояние семьи Картье».

– Джин Гика, международный директор ювелирного отдела, Bonhams

«Обладая инсайдерским пониманием семейного бизнеса, точностью историка и острым взглядом писателя на детали, Франческа Картье Брикелл создала противоречивую историю – эпическую, но при этом очень личную».

– Ронда Гарлик, автор книги «Mademoiselle: Coco Chanel

and the Pulse of History»

«Погружение в захватывающий мир семьи Картье и ювелирных украшений, искусства и бизнеса. Проницательно и восхитительно».

– доктор Уилфрид Зейслер, главный куратор в Музее Хиллвуд и автор книги «Fabergé Rediscovered»

«Блестящая история о личностях, стоявших за самыми величайшими ювелирными украшениями из когда-либо созданных, рассказана с теплотой и изяществом».

– Ли Сигельсон, владелец Siegelson, New York

«Драма, бриллианты, упорство: любопытный взгляд на закулисную историю династии, выстроившей мировую империю роскоши с нуля».

– Джек Форстер, автор книги «Cartier Time Art»

«Эпичнейшая история о семье, изменившей мир ювелирных изделий. Еще более неотразимой эту историю делает то, что она написана с интимностью личных воспоминаний».

– Рэйчел Гаррахан, журналистка, пишущая о люксе

«За каждым большим творческим успехом стоят люди. В своей книге Франческа Картье Брикелл опирается на семейные письма и воспоминания, чтобы оживить необыкновен-

ную историю предков и тех, кто на них работал».

– Эвелин Поссеме, главный куратор отдела древнего и современного ювелирного искусства, Музей декоративного искусства, Париж

«Великолепное исследование. Эта книга предоставляет возможность познакомиться с теми, кто десятилетиями хранил верность бренду».

– Том Мозес, исполнительный вице-президент Геммологического института Америки

«В свое время я прочла много книг о ювелирных украшениях, но ни одна не захватила меня так, как «Картье».

– Джоанна Харди, специалист по изысканным ювелирным украшениям и автор книги «Ruby»

«Эта великолепная книга, изобилующая личными воспоминаниями из первых уст, представляет принципиально новый взгляд на Картье – на семью и бизнес, и выводит науку о ювелирном искусстве на следующий уровень... Ценный источник знаний для будущих поколений».

– доктор Эмили Сторер, куратор отдела ювелирных украшений, Музей изобразительных искусств, Бостон, и соавтор книги «Maker and Muse»

«Захватывающая история семьи, рассказанная Брикелл в

стиле романа... Безупречно исследовано и прекрасно написано. Это «must» для любителей ювелирных украшений с актуальной отсылкой к нашему времени».

– Кэрол Вултон, историк ювелирного искусства, редактор, стилист и автор книги «Vogue: The Jewellery»

«После более чем 20 лет в должности главы Cartier Tradition я думал, что достаточно хорошо знаю творческую историю Cartier. Хотя помню, как Эрик Нуссбаум, мой покойный босс, говорил, что он до сих пор сталкивается с творениями, которые никогда раньше не видел. В самом деле, сочетание настоящего масштаба и удивительной креативности стало уникальным среди всех ювелирных компаний. Брикелл ясно дает понять, что «Картье» – это результат потрясающей семейной саги. Основываясь на личных архивах, она блестяще иллюстрирует порой драматичную борьбу, с которой было связано построение империи ювелирных украшений и часов, и страсть ее основателей к драгоценным творениям, многие из которых теперь считаются произведением искусства. Bravo автору за замечательную книгу».

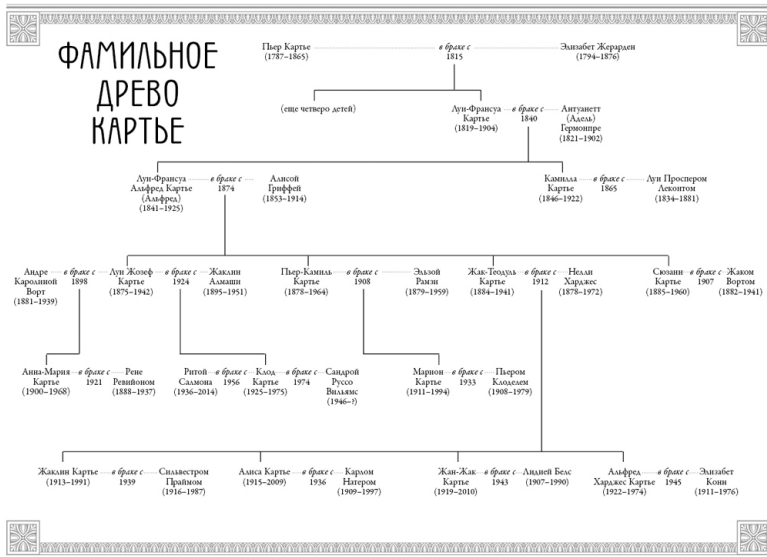
– Бернар Берже, бывший директор Cartier Tradition

«Глубокое исследование и в высшей степени живая книга Франчески Картье Брикелл рассказывают о семье творческой и эксцентричной, о впечатляющем списке богатых, знатных и известных клиентов и звездной команде дизайне-

ров и мастеров. Книга «Картье» показывает, как семейная фирма не только создала эпоху и заняла свое место в истории, но и помогла сформировать современный мир роскоши».

– Билл Дедмен, соавтор бестселлера «Empty Mansions»

*Посвящается моему дедушке
и моим детям*

Три брата Картье с отцом. *Слева направо:* Пьер, Луи, Альфред и Жак

Предисловие

Диана Скарисбрик, историк ювелирного искусства

О Cartier написано много книг, но ни одна из них не погружалась в историю семьи столь глубоко. Когда Ганс Надельхоффер (ныне покойный) опубликовал свое исследование *Cartier: Jewellers Extraordinary*, он сказал мне, как тяжело ему было «работать в крошечной тьме» при полном отсутствии частной информации о членах этой семьи, создавшей международную империю, которая стала синонимом элегантности и роскоши в XX веке. В последующие годы, несмотря на многочисленные выставки потрясающих работ Cartier, практически все, кто отвечал за дизайн, производство и продажи, оставались в тени.

Ныне завеса тайны приоткрылась – и явила миру истинную историю Дома. В своей книге Франческа Картье Брикелл рассказывает о найденных старых письмах и о десятилетнем расследовании, призванном заполнить лакуны семейной истории и глубже заглянуть как в бизнес, так и в частную жизнь семейства Картье.

Книга прослеживает жизнь четырех поколений – от основателя марки Луи-Франсуа до Жан-Жака, дедушки автора. Центром повествования являются три брата: Луи, Пьер

и Жак, тесная связь между которыми и личный вклад каждого смогли создать в начале XX века громкое имя и стиль Cartier.

Мы слышим их слова, записанные Франческой, и понимаем, как компании удалось пережить революции дома и за рубежом, две мировые войны, финансовые кризисы, катастрофическую депрессию 1930-х годов, потопившую многих конкурентов. История Дома состоит из множества инноваций, тесно связанных с изменениями в моде, социальных взаимоотношениях и экономической ситуации. Но независимо от того, было ли это традиционным стилем «гирлянда» периода Прекрасной эпохи, модернистским ар-деко или избыточным стилем послевоенных лет, любая вещь – от заколки для галстука до роскошной тиары – отмечена печатью совершенства, которая отличала ее от произведений соперников и моментально идентифицировала как вещь, «сделанную в Cartier».

Автор, правнучка Жака и внучка Жан-Жака, смогла оживить семейную историю – никто не сделал бы этого лучше. Франческа записала множество рассказов своего деда и служащих – ветеранов компании, которые ностальгически вспоминали, как «чувствовали себя частью семьи». В ее рассказе нет места случайностям и домыслам – лишь четкое следование по пути предков: от Парижа, Лондона и Нью-Йорка до сапфировых шахт Шри-Ланки и ближневосточных базаров. Она посетила дворцы в Индии, куда ездил Жак, встретила

с потомками его клиентов, изучила украшения, которые он им продавал. Франческе удалось создать захватывающий и вдохновляющий рассказ о величайших ювелирах XX века. Жан-Жак гордился бы ею.

Вступление

Несколько лет назад четыре поколения моей семьи собрались в доме нашего деда на юге Франции, чтобы отметить его 90-летие. Сидя на террасе за завтраком со свежими круасанами и мармеладом, я думала о том, что великий человек во главе нашего стола пережил столько, сколько обычным людям и не снилось. Жан-Жак Картье родился в 1919 году и, как и другие представители этого выдающегося поколения, стал свидетелем многих катаклизмов, которые потрясли мир. Он видел разрушительные последствия Великой депрессии и сражался на фронтах Второй мировой войны. Жил в «ревушие двадцатые» прошлого века дольше, чем в нынешнем. В тот праздничный день я смотрела, как он читает поздравительные открытки, – и видела просто дедушку с аккуратно зачесанными седыми волосами, усами и добрыми голубыми глазами. Но такое восприятие скоро изменится. От находки, которая приведет меня к его прошлому и судьбам моих предков, отделяли считанные мгновения.

Осушая очередной кофейник, мы планировали особо ничего не делать. Хотелось побаловать старика, хотя он ненавидел быть в центре внимания. В детстве мы с кузенами удивлялись, что дедушка с большим удовольствием дарил подарки на свой собственный день рождения, нежели получал. Однажды это оказалась большая деревянная песочница, вне-

запно появившаяся на террасе, в другой раз – пара велосипедов, на которых мы гоняли по саду. В этом году он объявил, что припас бутылку коллекционного шампанского.

Я вызвалась принести ее и спустилась в погреб. Было темно; не найдя бутылку, я стала исследовать помещение. Оно было заполнено вещами (дед никогда ничего не выкидывал): коробки с инструкциями к давно вышедшим из строя электроприборам, чемоданы со старой одеждой, пахнувшей нафталином, охотничьи журналы. Тут было все, кроме шампанского. Я была готова признать поражение и вернуться с пустыми руками, как вдруг заметила рядом с дверью ящик, покрытый толстым слоем пыли и заваленный рухлядью. Я отодвинула высокую стойку для хранения вина, на которой одиноко стояла бутылка просроченного лимонада, разгребла кипу пожелтевших газет и обнаружила потрепанный сундук. Черный, с коричневыми кожаными ремнями, ничем не примечательный, – о давно ушедшей эпохе свидетельствовали лишь его бока с выцветшими наклейками парижских вокзалов и экзотических восточных отелей. Встав на колени, бережно расстегнула потертые ремни, медленно подняла крышку.

Внутри оказались письма. Сотни и сотни писем. Они были аккуратно собраны в связки, каждая перетянута желтой, розовой или красной лентами и надписана аккуратным почерком на белой картонке.

Мой дед принадлежал к четвертому поколению Картье,

которое занималось семейным бизнесом. Он стал последним в роду человеком, возглавившим бизнес перед тем, как его продали в 1970-е. Владельцем сундука, скорее всего, был отец деда, Жак Картье. Перебирая письма, я поняла, что передо мной – история семейной компании, создавшей одни из самых ценных ювелирных украшений для сильных мира сего. Этот сундук со временем прольет свет на роскошные балы Романовых, блестящие коронации и экстравагантные банкеты махараджей. Члены королевских семей, дизайнеры, художники, писатели, политики, светские персонажи и кинозвезды оживут на этих страницах. Мне вскоре предстояло узнать, как король Великобритании Эдуард VII., великая княгиня Мария Павловна, Коко Шанель встали в один ряд с герцогиней Виндзорской, Элизабет Тейлор, Грейс Келли и королевой Елизаветой Второй в богатой истории Cartier. Их связали ювелирные украшения: изумруды размером с яйцо, проклятые камни, бесконечные нити идеально розового жемчуга, каскады редких цветных бриллиантов, великолепные сапфировые тиары и легчайшие бриллиантовые корсажные броши.

Но старый сундук хранил и личную историю: письма от скучающих по дому сыновей и озабоченных родителей, радостные телеграммы о рождении детей и полные горя послания о смерти, любовные письма и яркие описания далеких стран. Страницы, лучащиеся надеждой и полные страха. Советы отца по поводу новых проектов и переписка между бра-

тьями, показывающая их крепкую родственную связь.

Дед иногда говорил о старых письмах родителей, но так и не смог их найти. В конце концов решил, что все утеряно. Когда я вернулась на террасу без обещанного шампанского (позже его нашли в серванте под лестницей), но с пачкой писем, он был невероятно счастлив.

Я обожала дедушку. Безмерно щедрый, добрый, любящий. У него был заразительный смех, заставлявший хохотать всех вокруг. Скромный по натуре, он не был похож на человека, управляющего знаменитой ювелирной компанией. Дома он чувствовал себя счастливым: интроверт, никогда не говоривший о бизнесе. Всегда хвалил предшественников, талантливых мастеров и дизайнеров, которые у него работали, и никогда не упоминал собственных заслуг. Больше слушал, чем говорил: его интересовало, что происходит в семье, все ли здоровы и счастливы. Если возникали проблемы, первым предлагал свою помощь.

Жан-Жак вернулся во Францию незадолго до моего рождения. Каждый июль он ждал нас в аэропорту Ниццы, чтобы отвезти в дом, где жил с бабушкой, а после ее смерти – один. Спускаясь по трапу, мы видели деда – с фирменной трубкой, в знакомой кепке. Как только мы появились, он бросался вперед, чтобы проложить путь к машине под обжигающим солнцем. Мы проезжали по Английской набережной, оставляя слева сверкающее море и беспечных купальщиков, и сворачивали в сторону гор. У деда, как и у его отца,

были больные легкие, поэтому он жил в горах. После берега и толп отдыхающих пейзаж становился все более безлюдным. Наконец мы прибывали в его деревню. Мимо булочной и овощной лавки, мимо фургончика с пищей – и вот наконец крутой поворот на ухабистую дорогу к дому. Реальный мир оставался позади. По обе стороны дороги паслись овцы, томно жующие сухую траву, вдоль обочины шла по своим делам вечная старуха Тереза, хозяйка фермы, жившая в высоком доме с крошечными окошками. Еще несколько поворотов – и мы у белых ворот, ведущих в каникулы.

Внутри был оазис. Стрекот цикад приветствовал нас, когда мы выпрыгивали из раскаленной машины и бежали по светло-серому гравию. Сад, в который Жан-Жак вложил столько сил и энергии, когда вышел на пенсию, был – по контрасту с пустыней вокруг – наполнен красками, свежестью и жизнью. Длинная зеленая лужайка простиралась от самой террасы и становилась местом для беготни и игры в бадминтон. Слева, уровнем ниже, был бассейн, окруженный лавандой и розмарином. Еще ниже росли лимонные, мандариновые и апельсиновые деревья. С заросшей жасмином крыши из прованской черепицы открывался вид на море, в ясные дни можно было увидеть лодки вдалеке. В конце сада росли абрикосовые деревья, расположились плантации клубники и малины. Были и помидоры, душистые и сочные. Заботливый Жан-Жак высаживал их заранее и поливал каждый вечер, чтобы поспели к нашему приезду, хотя сам их не любил.

Ярко-голубое дневное небо к вечеру становилось нежно-розовым. Небо Матисса, Пикассо и Сезанна. Дедушка с бабушкой провели медовый месяц неподалеку, на горе, в городке Сен-Поль-де-Ванс, привлекавшем художников задолго до того, как туда хлынули туристы. Не случайно дед выбрал эти края, чтобы встретить старость. Будучи художником по натуре, он любил свет. В последние годы жизни терял зрение; я видела, как он вглядывался в линию горизонта над морем. «Пытаюсь запомнить эту картину как можно лучше, – объяснил он, когда однажды я присоединилась к нему на террасе. – Думаю, когда ослепну, буду очень скучать по этому свету – не закатному, а чуть более раннему, тонкому». Дед построил художественную мастерскую в саду – с раздвижными стеклянными дверями и большим окном с видом на море. Заполненная альбомами для рисования, листами бумаги, остро отточенными карандашами, мастерская стала его творческим убежищем.

Для Жан-Жака смыслом работы в Cartier были не драгоценные камни. Его интересовал поиск оригинального дизайна и выполнение тончайшей работы. Философия, ставшая образом жизни. Каждая вещь в доме – небольшая бронзовая скульптура, картина маслом или испанский обеденный стол – была по-своему уникальна, стояла в правильном месте. Всюду виделись следы иностранного влияния: от индийских ковров и китайского кофейного столика до персидских миниатюр. Семья долгие годы черпала вдохновение в вещах со

всего света; члены клана окружали себя эклектичными предметами искусства. Но Жан-Жак не замкнулся в прошлом. Новаторский книжный шкаф из стекла и металла, который он придумал и поставил для отца в гостиной, был проявлением его минималистской философии «лучше – меньше».

Все вещи стояли на своих местах, в доме царил образцовый порядок; но когда появлялись мы, неся с собой хаос, дед не ворчал. Наоборот! Если что-то ломалось или разбивалось, он лишь беспокоился, не поранились ли мы. «Не беспокойся, дорогая, – говорил он в ответ на извинения. – Ты сама-то в порядке?»

Каникулы были раем. По возвращении в Англию на учебу мы общались при помощи писем. Конверты, подписанные красивым почерком деда, приносили огромную радость – мы жили в школе-интернате и очень скучали по дому. Дед прекрасно понимал, что такое тоска по родным стенам, и не мог терпеть несчастье других. У него была дислексия¹, ему было трудно писать, поэтому он предпочитал рисунки словам, заполнял страницы набросками животных и забавными подписями, неизменно поднимавшими настроение.

Когда мы повзрослели и осознали, что у дедушки была и собственная жизнь, начали расспрашивать о прошлом. Он не любил говорить о себе, но иногда рассказывал разные истории. Например, как однажды заснул в ожидании британ-

¹ Неспособность (или затрудненность) овладения письмом и чтением при сохранном интеллекте и физическом слухе.

ской королевской семьи в Букингемском дворце и был разбужен, к своему ужасу, королевой-матерью. Или как в годы Второй мировой войны его кавалерийский отряд был вооружен саблями времен наполеоновских сражений, хотя против них были выдвинуты бронированные танки. Иногда упоминал драгоценности: косметичку, которую он сделал для принцессы, или бриллиантовое кольцо, сотворенное его отцом для махараджи. Было много историй о предыдущих поколениях семьи, особенно – об отце и двух дядях, которые превратили Cartier в ведущую мировую ювелирную фирму.

К тому времени, как обнаружила сундук с письмами, я уже начала записывать некоторые воспоминания дедушки – просто, чтобы не забыть. На самом деле это пришло в голову не мне, а мужу, новичку на наших семейных встречах. Он, давно лишившийся бабушек и дедушек, сразу понял, насколько бесценно приоткрыть окно в прошлое. Его беспокоило, что если кто-то не начнет записывать наши обеденные разговоры о прошлом, эти истории канут в Лету.

Мое открытие в чулане подтолкнуло меня взглянуть на случайные рассказы и воспоминания по-новому. Затащив сундук наверх, я провела остаток лета, разбирая его содержимое. Дед помогал. Мы сидели в его кабинете после полудня, во время чаепития. Вернувшись во Францию, он скучал по английской традиции послеполуденного чая, и я пыталась (не всегда успешно) испечь сконы², его любимые британские

² Небольшого размера британский хлеб быстрого приготовления.

булочки, по рецепту из бабушкиной кулинарной книги. Читая письма, мы обменивались мнениями и догадками, я задавала вопросы. Мне не терпелось поскорее все прочитать – так увлекала история, о которой я практически ничего не знала. Дед читал медленнее, с благодарностью впитывая каждое слово. Я часто видела его с очередным письмом в руках – он сидел в любимом кресле и глядел вдаль.

За день до находки мы, как обычно, просматривали каталог ювелирного аукциона. Когда он замечал достойное внимания изделие Cartier, подробно рассказывал, как оно было создано, откуда взялось вдохновение, с какими проблемами столкнулись мастера при изготовлении. В тот день он указал на несколько вещей в египетском стиле, сделанных под руководством его отца в 1920-е годы. Вспоминал, как мир был потрясен открытием гробницы Тутанхамона, и после началась мода на древнюю историю. Потом мы шутили, что пыльный сундук, найденный в подвале, тоже – мой собственный Тутанхамон. Эта находка изменила мое восприятие прошлого, превратив старые пожелтевшие фотографии в реальных, полных жизни людей. И хотя я еще этого не знала, она в конце концов вывела меня на новый жизненный путь. Чем больше углублялась, тем острее понимала: нельзя прятать такие сокровища. Я хотела описать сложную историю семьи Картье, пока дедушка еще был с нами. Письма, в конце концов, это лишь часть истории.

Однажды я спросила, можно ли записать его воспомина-

ния на пленку. Разговоры за обедом были прекрасны, но хотелось бы иметь более полную картину его жизни и жизни предков: к тому времени я уже решила писать историю Семьи. Это была непростая просьба – дедушка, человек скромный и закрытый, отказывал писателям и журналистам в интервью. Однако со временем понял: если последний человек из поколения Картье не поделится воспоминаниями, они будут утрачены навсегда.

Он также чувствовал, что остались невоспетые герои; несмотря на обилие иллюстрированных книг о Cartier, полная история семьи так и не была рассказана. Дед расстраивался, когда я говорила, что его версия событий не совпадает с тем, что написано у других. «Неважно, что говорят в книгах, – ворчал он. – Я рассказываю, как было дело, потому что я этим жил!» В конце концов он согласился мне помочь – чтобы история семьи не ушла в небытие.

В течение последующих месяцев каждую пятницу я прилетала к нему последним вечерним рейсом, сидела в его маленькой кухне за белым столом 1950-х годов и погружалась в увлекательные воспоминания. Было чувство, что мой живой интерес пробуждает в дедушке все большую потребность рассказать о людях и событиях, оставшихся лишь в воспоминаниях.

Но и я могла поделиться находками. В доме не было компьютера, и он не представлял себе, как искать старые газетные публикации или проследживать судьбы людей, с которы-

ми общался десятки лет назад. Я приезжала, нагруженная материалами: статьями о его отце, книгами, в которых упоминались старые клиенты, воспоминаниями тех, кто работал на семейную фирму. Мне даже удалось найти старейших сотрудников Cartier в Лондоне. Некоторые, уже отметившие 90-летие, не хотели вспоминать и общаться с бывшими коллегами. Однако обмен новостями и приветствиями с дедушкой – через меня – был приятен обеим сторонам.

Так что и я помогла расширить воспоминания. «Я так рад, что в семье есть историк», – говорил он, хотя я не думала о себе в таком ключе. После изучения литературы в Оксфорде я работала финансовым аналитиком в секторе розничной торговли. Напряженные рабочие дни в Сити³ не способствовали личной жизни, но научили анализировать факторы успеха компании. Одно дело – производить товары высокого уровня, но совершенно другое – создать международный бренд.

Мое путешествие в прошлое началось с сундука писем и глубочайшего восхищения дедушкой. Затем захотелось понять, как предкам удалось превратить маленький семейный бизнес в ведущую ювелирную компанию. И зачем они ее продали.

Разговаривая с дедушкой, я все глубже погружалась в детали и наконец смогла выстроить картину столетнего развития семейной фирмы. Он показал хронологическую таблицу,

³ Деловой район в Лондоне.

которую начертил его отец, – чтобы мальчик с детства изучал семейную историю. Рассказал, как прадед выжил во время Французской революции, а дед гениально разбирался в драгоценных камнях; поведал о том, как отец и дяди смогли вывезти французскую роскошь за моря задолго до эры глобализации. Но самым интересным было его путешествие по собственной жизни. Вместо добрейшего дедушки, к которому мы привыкли, я видела маленького мальчика, ждущего сказки на ночь; затем – храброго солдата; позже – молодого человека, оплакивающего утрату отца. Я зримо представляла взволнованного босса, которому пришлось возглавить бизнес до того, как он почувствовал себя готовым к этому.

Находка сундука с письмами и запись мемуаров деда стали определяющими моментами моей жизни; но это было лишь начало. Да, я не подвергала сомнениям его версию событий, но понимала, что человеческая память избирательна, субъективна. Письма из сундука рассказали лишь часть истории. Поэтому я стала искать источники по всему миру, заглянула под каждый камень, нашла неожиданные факты. И в результате пересмотрела понимание семейной истории, обратив внимание на тонкие ускользающие нити.

Я прочесала увлекательные семейные архивы, раскиданные по миру, – от Сент-Луиса до Токио. Приезжала по адресам, написанным паучьим почерком на выцветших конвертах: Лондон, Париж, Нью-Йорк. Ощутила, каково жить в величественных домах иной эпохи. Проследила пути пра-

дедушки по восточным землям. Побывала в тех же сапфировых шахтах, что и он, ночевала в тех же зданиях, ходила босиком по храмам. Я встречалась с потомками людей, которых он знал: от индийских махараджей и жемчужных шейхов Персидского залива до продавцов драгоценных камней на Шри-Ланке и американских наследниц миллионеров. Потратила многие и многие часы в поисках документов о рождениях, смертях и свадьбах столетней давности. Мне повезло узнать по-настоящему удивительных людей: 90-летнюю бывшую продавщицу, которая пригласила меня на ланч и щедро поделилась воспоминаниями; скромного дизайнера в Лондоне, который кормил меня тостами с джемом, рассказывая об эксцентричных запросах клиентов и о роскошных королевских драгоценностях.

Моя книга не претендует на статус биографии семейной фирмы. Это – человеческая история, основанная на личных воспоминаниях, переписке и другом раскопанном материале. Заканчивается она 1974 годом, когда было продано последнее подразделение Cartier.

К сожалению, дедушка умер в 2010 году. Разговоры о прошлом нас очень сблизили, и его уход потряс меня. Потребовалось немало времени, прежде чем я смогла вернуться к пленкам. Переживала, что слышать его голос после его ухода будет слишком тяжело, но, на удивление, это успокоило – будто он снова был рядом. Я всегда думаю о нем, когда одно из упомянутых украшений всплывает на аукционе. Когда

читаю письма или вижу наш старый верный сундук. И когда цвет неба на юге Франции становится нежно-розовым перед закатом. Незадолго до смерти деда, спустя столетие после того, как братья Картье создали великую ювелирную компанию, я дала ему обещание, что расскажу подлинную историю семьи. Так появилась эта книга.

Часть I

Начало

(1819–1897)

«Мне не надо говорить тебе, как я жажду твоего возвращения. Мы неразделимы, и мне больно вынуждать тебя оставаться [вдали] пока ты не приведешь наш бизнес к наивысшему уровню успеха из возможных... Жду хороших вестей. Верь мне, мой дорогой Альфред.

Твой преданный отец и друг».

– Письмо Луи-Франсуа Картье Альфреду Картье, 1869

1

Отец и сын: Луи-Франсуа и Альфред (1819–1897)

Живая история

Аукционный зал гудел. Любители украшений, коллекционеры и дилеры с пяти континентов собрались, чтобы сыграть свои роли в спектакле, который журнал *Town & Country* окрестил «ювелирной продажей века». Фотографы настроили камеры, наблюдатели вооружились телефонами. В 10 часов утра 19 июня 2019 года пятерых ведущих аукционистов Christie's пригласили на подиум Рокфеллер-центра в Нью-Йорке, чтобы провести 12-часовой марафон торгов. «Не каждый день, – писала газета *The Financial Times*, – такое количество украшений музейного уровня из одной всемирно известной коллекции выходит на аукцион». Принадлежащие шейху Хамаду Аль-Тани 388 лотов были выставлены на аукцион «Великолепие махараджей и Великих Моголов», который охватил пять веков и самых экстравагантных правителей в истории. *Forbes* назвал его «пещерой сокровищ Аладдина», если бы только «кому-то удалось найти лампу с джинном, который помог бы финансировать ставки».

Многие вещи Cartier были выставлены на второй, после-полуденной сессии аукциона. От лота 228, усыпанной камнями броши-пряжки 1922 года, изготовленной для маркизы Чолмонделей, ждали, что он вызовет особенный интерес. С огромным восьмиугольным изумрудом весом 38,71 каратов в центре, окруженным бриллиантами, сапфирами и изумрудами, брошь представляла собой типичный для Cartier образец ар-деко, вдохновением для которого послужили украшения Востока. Торг начался с 400 000 долларов. Цена быстро росла – шаг составлял сначала 20 000, затем 50 000 – и вскоре цифра на экране позади аукциониста превысила эстимейт в 500 000–700 000 долларов. Молоток упал на отметке более полутора миллионов, что вызвало спонтанные аплодисменты.

В памятный день купили не только эту вещь Cartier. Корсажная брошь Прекрасной эпохи из платины с бриллиантами, брошь 1930-х годов в стиле «тутти-фрутти», редкое ожерелье из градуированных натуральных жемчужин, а также рубиновый чокер махараджи – в торгах участвовало 21 украшение Cartier. Восемь из них достигли цены свыше миллиона долларов. Одно было продано за 10 миллионов. По количеству лотов украшения Cartier составили лишь 5 процентов от общего числа, но по ценам достигли 25 процентов от общей суммы в 109 миллионов долларов. Потрясающий результат!

В XXI веке вещи Cartier стали самыми желанными юве-

лирными украшениями на планете. «Если вы видите старое украшение с подписью Cartier, – говорили эксперты, – можете сразу утраивать цену. Эти вещи из совершенно другой лиги». Так, в 2010 году браслет 1950-х годов в виде пантеры из платины с ониксом и бриллиантами, принадлежавший герцогине Виндзорской, стал самым дорогим браслетом, когда-либо проданным на аукционе Sotheby's. А когда спустя четыре года ожерелье Барбары Хаттон 1933 года было продано на аукционе в Гонконге, то вошло в историю как самое дорогое украшение из жадеита⁴. В 2017 году часы Tank, сделанные в 1960-х для Джеки Онассис, были проданы с тройным превышением начальной цены, а на рекордном аукционе драгоценностей Элизабет Тейлор в 2016 году самым дорогим предметом опять же стало кольцо Cartier. После единодушного мирового признания трудно поверить, что когда-то было иначе. Однако основатель марки начинал с других реалий. Ровно за 200 лет до знаменитого аукциона в Нью-Йорке Луи-Франсуа Картье вступил в совершенно другой мир.

Ученик

Ребенком Луи-Франсуа Картье тяготел к традиционному образованию: хотел читать классических авторов, заниматься науками, изучать великих художников. Но ближайшее бу-

⁴ Минерал зеленого цвета, внешне очень похож на нефрит, однако встречается реже и ценится выше.

дущее оказалось другим. В семье было семь ртов, которые нужно было кормить, и, как старший сын, он должен был играть свою ведущую роль. После начальной школы пришлось работать. Отец, Пьер, нашел ему место ученика в ювелирной мастерской. Это была тяжелая и низкооплачиваемая работа, но профессиональные ювелиры были частью «шести ремесленников Парижа» – престижной группы умелых купцов и мастеров, которые считались средним классом. Хорошие перспективы для молодого Картье.

Каждое утро Луи-Франсуа 20 минут шел из тесного семейного дома в Марэ до «Чрева Парижа». Здесь, среди шума зерновой биржи и запахов рынка устриц, располагались городские ювелиры. Его новый хозяин, мсье Бернар Пикар – *фабрикант*, или производитель украшений, владел хорошо оборудованной мастерской на двух верхних этажах шестиэтажного дома 31 по улице Монторгей, рядом с церковью Сент-Юсташ.

Работа была непростой. Управляющие мастерской обращались с учениками как с «обитателями конуры». Мальчики работали по 15 часов в день практически без оплаты. «Мы получали оплеухи, тычки и удары по ушам», – вспоминает один из современников, Альфонс Фуке. А где-то далеко, в мастерских Фаберже, как вспоминает один из сотрудников, в наборе инструментов ученика главным был кнут: «Ни один не выучился без него». Немногие выдерживали, но Луи-Франсуа, видевший, как отец старается построить

жизнь с нуля, имел сильнейшую мотивацию.

За десять лет до рождения старшего сына Пьер Картье сражался за Францию в наполеоновских войсках, попал в плен армии Веллингтона. Он провел годы взаперти – в ужасной, переполненной тюрьме в бухте Портсмута, не зная, сможет ли когда-нибудь выбраться оттуда. Когда его выпустили после поражения Наполеона в 1815 году, юноше было 28 лет: ни гроша в кармане, ни перспектив, ни семьи. Вернувшись в Париж, он нашел работу кузнеца, женился на Элизабет Жерарден (прачке и дочери купца), стал отцом. Теперь, когда его сын заканчивал обучение в ювелирной мастерской, Пьер надеялся на лучшую жизнь следующих поколений.

К счастью для Луи-Франсуа, это было хорошее время, чтобы войти в ювелирную профессию. Французские аристократы, покинувшие столицу во время революции и наполеоновского правления, постепенно возвращались ко двору новых королей – Бурбонов. Их появление привело к всплеску интереса к предметам роскоши. Жизнь при дворе была по-прежнему жалким подобием эпохи Марии-Антуанетты, но в моду вошли маленькие скромные украшения, и Пикар работал именно на этот рынок. Закончив изделие, Луи-Франсуа и его коллеги ставили на него клеймо – официальный знак производителя, подтверждающий происхождение вещи. В случае Пикара это были его инициалы, ВР, разделенные изображением реки (игра слов – *riviere* по-французски и «река», и «бриллиантовое ожерелье»). Возможно, кто-

то из учеников и надеялся, что когда-нибудь займет собственное клеймо, но это были очень далекие мечты. Возможностей продвижения не было. Даже если Пикар в один прекрасный день отойдет от дел, его место займет старший сын Адольф.

За несколько месяцев до своего 21-го дня рождения Луи-Франсуа, без уверенности в собственном будущем, женился на 18-летней девушке Антуанетте Гермонпре. Все называли ее Адель, семья была родом не из Парижа. Отец, столяр, приехал в столицу в поисках работы из Руана, потом к нему присоединилась семья, и несколько поколений ютились в тесном доме недалеко от Картье. Именно здесь, в квартале Марэ, холодным февральским утром 1840 года юная пара произнесла клятвы верности в католической церкви Св. Николая-на-полях. После свадьбы, не имея возможности содержать собственный дом, они переехали к родителям Адели. Через год родился обожаемый единственный сын – Луи-Франсуа Альфред, которого все называли Альфред. Когда мальчику исполнилось 5 лет, родилась его сестра Камилла.

Париж 1840-х годов вряд ли был идеальным местом для воспитания детей, особенно в среде рабочего класса. Перенаселенность стала острейшей проблемой – мигранты из сельской местности занимали любые свободные клочки земли, не оставляя пространства для парков и мест отдыха. Открытые стоки были рассадниками болезней, многие дети не доживали до подросткового возраста. Луи-Франсуа батра-

чил на Пикара, надеясь, как когда-то его отец, что сможет обеспечить детям нормальную жизнь. Еще много лет эти надежды казались несбыточными.

Двадцать тысяч франков

В 1847 году мсье Пикар сделал заявление, которое изменило жизнь не только Луи-Франсуа, но и будущих поколений семьи Картье, а со временем – и всей ювелирной отрасли. Он объявил сотрудникам, что хочет перевести свой бизнес в более модную часть города – Пале-Рояль, но сначала ему нужно продать свою мастерскую на улице Монторгей. Для Луи-Франсуа это была возможность, которую он так долго ждал. При поддержке своей семьи ему удалось собрать большую часть продажной цены в 20 000 франков (нелегкая задача в то время, когда средняя заработная плата составляла менее 2 франков в день). Но, не имея полной суммы, не говоря уже о 1600 франках, необходимых для покрытия текущей аренды двухэтажной мастерской, он предложил Пикару выплатить оставшуюся часть в рассрочку. И, к счастью, Пикар, который на протяжении многих лет доверял своему трудолюбивому сотруднику, согласился.

Таким образом, после долгих лет борьбы за выживание, 27-летний Луи-Франсуа Картье стал владельцем собственного бизнеса. Он поспешил зарегистрировать товарный знак – и уже в апреле смог производить украшения под своим

именем. Знак Пикара состоял из букв и реки; Луи-Франсуа придумал ромб со своими инициалами, разделенными тузом червей. В январе 1848 года имя Картье впервые появилось в ежегодном парижском торговом каталоге. Его новая фирма, по описанию Луи-Франсуа, была «преемником Пикара, производителем ювелирных украшений, изделий из золота, декоративных объектов и новинок».

Первое клеймо Cartier, зарегистрированное 27-летним Луи-Франсуа 17 апреля 1847 года

Как и при Пикаре, Луи-Франсуа производил бóльшую часть вещей в своей мастерской. Но иногда удавалось взять украшения у других мастеров. В первые месяцы существования марки в его магазине были браслеты из горного хрусталя, броши в виде цветов, аксессуары с барочным жемчугом, бриллиантовые серьги, которые он продавал другим мастерским и ювелирам (включая королевского ювелира Фоссена,

впоследствии – ювелирный Дом Chaumet). Многие из них предназначались важным клиентам: семейству Ротшильдов, бельгийской принцессе. Луи-Франсуа предпочел бы продавать напрямую, но до этого было еще далеко. Как бы ни были привлекательны вещи, его скромная мастерская была пока не известна аристократическим покупателям. Поэтому ближайшей задачей Картье стало создание и утверждение собственного имени. И хотя первые шаги Луи-Франсуа оказались весьма успешными, времена, как ему вскоре предстояло узнать, были далеко не лучшими.

«Да здравствует реформа!»

Уже несколько месяцев кипящее варево недовольства во Франции готовилось перелиться через край. Плохие урожаи, ранняя гниль картофеля и финансовый кризис 1846 года привели к рецессии: треть парижан осталась без работы и была вынуждена бороться, чтобы прокормить детей. Пока росла волна общественного недовольства королем и правительством, оппозиция среднего класса проводила «политические банкеты», на которых обсуждались идеи реформации. Когда в 1848 году король Луи-Филипп объявил эти собрания вне закона, для многих такое решение стало последней каплей.

Крики «Да здравствует реформа!» заполнили столицу. Парижане выплеснули свою ярость на улицы. Протестующие

строили баррикады и сражались с королевскими гвардейцами. Солдаты стреляли в толпу, собравшуюся перед министерством иностранных дел, всего в 10 минутах ходьбы от драгоценной мастерской Луи-Франсуа, за которую ему еще предстояло заплатить. Когда гвардейцы убили 55 граждан, народный гнев вышел из берегов: начались пожары, и толпа двинулась ко дворцу. Напуганный премьер-министр Гизо тут же подал в отставку. Король Луи-Филипп быстро последовал его примеру, отрекся от престола и сбежал в Англию.

1848 год станет известен как год европейских революций: восстания против монархий распространились по всему континенту. Беспорядки в Париже продолжались много месяцев. Луи-Франсуа, так долго ждавший возможности начать бизнес, вынужден был оставить работу. Как вспоминал его внук много лет спустя, он опасался, что такое положение дел останется навсегда: «Дедушка говорил мне: когда случилась революция, я думал, что больше не смогу продолжать начатое дело».

Но и после того как пламя народного гнева утихло, дела были плохи. Временное правительство оказалось сущей катастрофой: богатство растворялось, кредиты становились неоправданно высокими, бизнес в Париже уменьшился вдвое. Отчаянно борясь за жизнь семьи, Луи-Франсуа временно открыл свою мастерскую – и обнаружил, что большинство его клиентов или закрыли магазины, или нашли других поставщиков.

Лишь спустя три года, после военного переворота Луи Наполеона, дела в Париже пошли чуть лучше. Император Наполеон Третий (под этим именем он взошел на трон) привел к власти руководство, которое благоволило бизнесу. Также он ввел авторитарную цензуру прессы, что окончательно заткнуло рот оппозиции. Луи-Франсуа, впервые за последние годы испытал осторожный оптимизм, решил изменить бизнес-модель. Ювелирная мастерская была расположена так, чтобы было удобно продавать украшения магазинам и другим мастерским, но ему хотелось получить более престижную клиентуру. Пикар переехал в центр, откуда было удобно продавать изделия самым состоятельным клиентам. Через шесть лет после основания Cartier Луи-Франсуа последовал его примеру.

«Через церковь, сир»

В мире торговли предметами роскоши главное – местоположение. Поэтому амбициозный Луи-Франсуа променял шум, гам и запахи устричного рынка в «Чреве Парижа» на респектабельный район Пале-Рояль. Именно сюда приезжали самые красивые женщины Парижа, чтобы совершать покупки, обедать и показывать себя. Картье вряд ли мог позволить себе шоурум в прекрасных аркадах Пале-Рояль, но с 1853 года расположился неподалеку. В своем новом магазинчике на втором этаже дома номер 5 по улице Нев де Пти

Шан, над модным рестораном и прямо напротив прекрасного сада, 34-летний Картье стал принимать клиентов, которые помогут ему завоевать популярность в Париже. Серебряные чайные сервизы, бронзовые статуэтки, предметы из слоновой кости, севрский фарфор были выставлены рядом с камнями из агата и обсидиана, декоративными пуговицами, карманными часами и браслетами с аметистом. Их объединяло одно – все изделия отвечали высоким стандартам Луи-Франсуа. После десятилетней работы в мастерской в качестве ювелира и хозяина производства он прекрасно знал, как оцениваются произведения, и настаивал, что Cartier должен быть магазином гарантированного качества.

В конечном счете временный спад пошел на пользу: Франция выиграла от индустриализации, средний и высший классы пошли в гору. Роскошь снова была востребована – но и качество украшений во времена Второй империи стало гораздо выше. Частью программы реформ Наполеона Третьего явилось революционное изменение оплаты труда мастеров: фиксированные зарплаты были отменены. Но и стандарты ювелирной работы повысились. И вот на сцене оказалась прекрасная императрица, которая была счастлива играть роль в продвижении французского ювелирного искусства, красуясь перед восхищенными подданными.

Соблазненный красотой испанской аристократки Евгении Монтихо, император Наполеон Третий спросил ее: «Как я могу вас получить?» Ее ответ «Через церковь, сир» при-

вел к скорому предложению руки и сердца. Свадьба состоялась в январе 1853 года. Когда будущая императрица вышла из позолоченной хрустальной кареты, доставившей ее из Елисейского дворца в Нотр-Дам, восторгу толпы не было предела. Она была в белом бархатном платье «с корсажем, усыпанным сверкающими бриллиантами и сапфирами». Талию украшал бриллиантовый пояс, «на лбу красовалась титара, которую надевала Мария-Луиза (вторая жена Наполеона Первого) в день свадьбы», кружевная вуаль спускалась на длинный шлейф и скреплялась венком из флердоранжа, «прелесть которого подчеркивалась драгоценными камнями».

Император готов был переделать французские коронные драгоценности для своей невесты – несколько специально отобранных ювелиров очень выиграли от этого заказа. Малоизвестный Картье не был среди них, но страсть императрицы к более ярким, крупным украшениям с большим количеством драгоценных камней дала серьезный стимул развитию ювелирного дела во Франции.

Будь добр

В глазах клиенток, выбирающих брошь с лиможской эмалью, кольцо или подвеску с камеей, ювелиры, окружающие Пале-Рояль, выглядели конкурентами. На самом деле кажущиеся соперники (от Фоссена до Фализа, Бушерона и Кар-

тье) часто снабжали друг друга украшениями. Иногда колье или брошь делались вместе разными мастерскими. Этот принцип заставил Луи-Франсуа выстраивать бизнес иначе.

«Будь добр, – советовал он сыну Альфреду, подчеркивая главный принцип жизненной философии. – Это самый легкий способ заводить и удерживать друзей, вне зависимости от положения». Каждый, кто входил в двери Cartier, должен быть принят с максимальным уважением. Да, у Луи-Франсуа не было средств, чтобы заполнить магазин крупными бриллиантовыми колье или нитями жемчуга, и был не по карману магазин в престижных аркадах Пале-Рояля. Но он знал, что личное отношение сможет выделить его фирму. Если клиенты покидали шоурум с ощущением счастья от общения с мсье Картье, это означало, что они могут вернуться к нему, а также расскажут о приятном магазинчике своим знакомым.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Каждый, кто входил в двери Cartier, должен был получить удовольствие. Наш прекрасный привратник, похожий на Санта-Клауса, каждого входящего встречал широкой улыбкой. Не улыбнуться в ответ было невозможно! Конечно, работа продавца – быть скромным и полезным, это не обсуждается; но люди не купят украшения, если не чувствуют себя комфортно. Так меня учил отец, а он получил этот урок от деда.

Через два года, благодаря распространившимся слухам или просто счастливому случаю, Луи-Франсуа получил свою

самую важную клиентку. 40-летняя графиня де Ньюверкерк была женой парижского суперинтенданта изящных искусств. В 1855 году, во время первой парижской Всемирной выставки, графиня купила колье с камнями и шесть пуговиц со старинными камнями, безумно модными в то время. В последующие три года она неоднократно посещала шоурум Cartier, купив более 50 предметов. Луи-Франсуа ценил ее заказы, но еще больше – то, как она распространяла информацию. Когда она надела последнюю вещь, приобретенную у Cartier и «вдохновенную старинным украшением, недавно приобретенным Лувром» на высокопоставленный прием, это вызвало восхищение у любовницы ее мужа, которая была одной из самых влиятельных дам Парижа: принцессы Матильды.

Самое красивое декольте Европы

«Если бы не великий Наполеон, – сказала однажды принцесса Матильда о своем дяде, – мне, скорее всего, пришлось бы продавать апельсины на улицах Аяччо». Как бы там ни было, к середине XIX века принцесса пользовалась большим влиянием в высших кругах общества. После короткого и яростного брака с супербогатым русским князем Демидовым она в 1846 году сбежала в Париж, где неуклонно способствовала продвижению своего кузена Наполеона Третьего. И когда его власть устоялась, ее положение в обществе

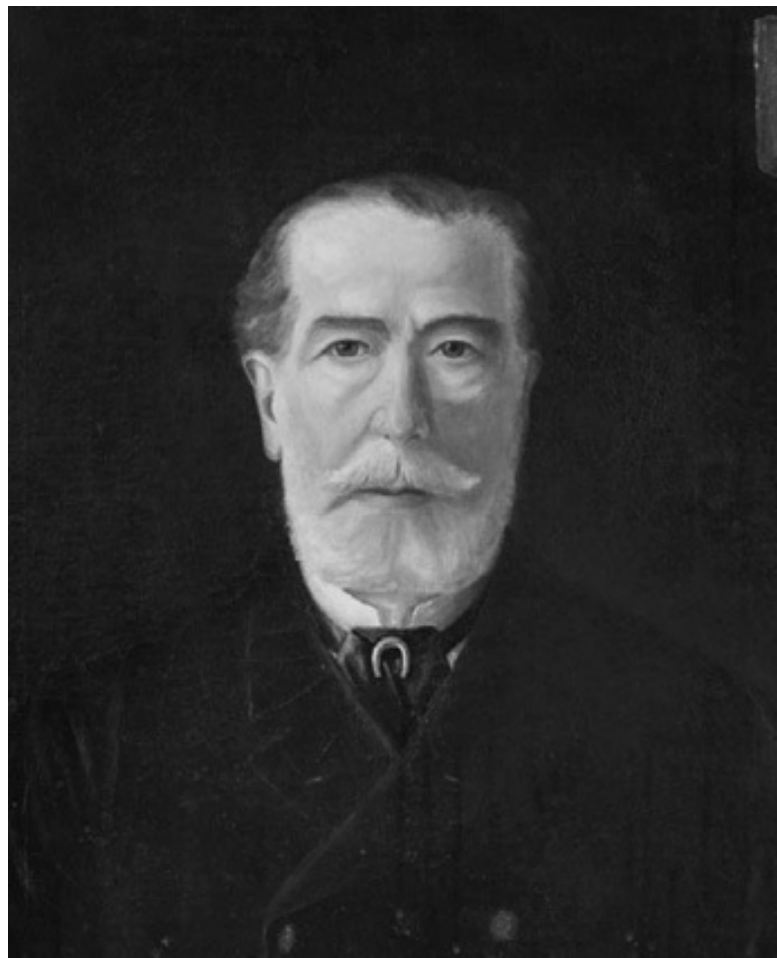
еще более утвердилось.

Получившая прозвище Нотр-Дам дез Ар (Наша Дама искусств), просвещенная принцесса Матильда держала один из самых модных салонов Второй империи в своем доме на улице Курсель. Ее племянница, принцесса Каролина Мюрат, описывала этот салон, «своего рода двор», как «дом и центр парижского интеллекта». Знаменитые писатели – от Ги де Мопассана и Гюстава Флобера до Александра Дюма-сына – обсуждали здесь острые политические вопросы и проблемы искусства. Их собеседниками были, среди прочих, издатель Le Figaro Ипполит де Вильмессан и ученый Луи Пастер. Пятничные ужины отдавались художникам.

Со своей репутацией обладательницы отличного вкуса, а также «лучшего декольте Европы» принцесса Матильда была мечтой любого ювелира. Когда она попросила Луи-Франсуа в 1856 году отремонтировать кольцо, это была хорошая заявка на будущее. А когда знатная дама начала покупать его украшения, появилась возможность создания собственного имени. Матильда делала много покупок, список которых дает представление о разнообразии ассортимента Cartier: кольцо с рубинами и жемчугом, камеи с головой Медузы, броши с аметистами, брошь с бирюзой в виде скарабея, браслет с опалами, серьги в египетском стиле и даже... ручка для зонтика. В клиентских книгах Cartier можно найти более двухсот предметов, заказанных или купленных принцессой. Были там и изделия, купленные самим графом – скорее всего,

для любовницы.

Но у принцессы и Луи-Франсуа было больше общего, нежели лишь любовь к драгоценностям. Оба были поклонниками искусства и ценителями хорошего вкуса, у обоих был блестящий учитель. Юджин Жульен начал свой путь рисовальщиком на севрской фабрике фарфора, после чего его заметил парижский ювелир Жан-Поль Робен. Восхищенный «его воображением и совершенством, с которым тот за несколько минут рисовал требуемые композиции», Робен предложил Жульену переключиться на ювелирный дизайн. Поработав на многие ведущие ювелирные мастерские в Париже, в 1856 году Жульен основал собственную художественную школу. В число его высокопоставленных учеников входили придворные дамы, но давались уроки и более широкому кругу; Луи-Франсуа, обученный ювелирному производству, но не дизайну, записался на вечерние курсы. Раз в неделю он брал уроки у великого мастера. И был в хорошей компании с будущими ювелирами, которые в конечном итоге станут поставщиками Cartier.

Луи-Франсуа Картье и его самая важная клиентка первых лет – принцесса Матильда Бонапарт. Она не только по-

купала много вещей, но и обеспечила для фирмы королевский патент, который с гордостью помещался рядом с именем Cartier на первых счетах

Всего за 10 лет Луи-Франсуа прошел путь от малооплачиваемого мастерского до продавца, в числе клиентов которого была принцесса. Но жизнь всегда подбрасывает испытания. Через три года после того, как он открыл шоурум в Пале-Рояле, произошло несчастье, которое могло положить конец триумфу. В начале 1856 года шеф ресторана, расположенного под шоурумом, включил плиту, чтобы готовить ужин; неожиданно прогремел взрыв такой силы, что часть потолка обрушилась. Пришедшие на ужин посетители были спешно эвакуированы. Оказалось, что произошла утечка газа. Огонь распространился быстро, захватив третий этаж, где располагался Cartier. Удивительно, но жертв не было; быстро прибывшим пожарным удалось спасти здание. После ремонта Cartier открылся, как раньше. Но этот случай изменил Луи-Франсуа. Он стал бояться огня. И был готов к неприятностям.

Cartier Gillion

За 12 лет с момента основания фирма Cartier пережила революцию, упадок экономики, государственный переворот и пожар. Но трудности лишь закалили Луи-Франсуа.

В 1858 году, через шесть лет после переезда в Пале-Рояль, он пошел на еще больший риск. Узнав, что мсье Гийон, 65-летний известный парижский ювелир, собирается отойти от дел, Луи-Франсуа сделал старику предложение по поводу его бизнеса.

Здание, в котором располагался магазин Гийона, было гораздо больше помещения в Пале-Рояле. Дом номер 9 на оживленном Итальянском бульваре включал в себя магазин с уличным входом, отдельный кабинет, мезонин, чердак с комнатой для служанки, подвал и имел отдельное водоснабжение. Но главное – дом был удачно расположен для розничной торговли. Один из четырех главных парижских бульваров, Итальянский, был популярен среди хорошо одетой публики. Café Anglais в доме номер 13 считался лучшим рестораном столицы – и стал настолько знаменит, что удостоился упоминания в романах Золя, Пруста, Бальзака, Флобера и Мопассана.

Аренда нового магазина Гийона стоила 8500 франков в год (около \$45 000 сегодня). Луи-Франсуа договорился об аренде на 10 лет, которую, если дела пойдут, можно будет возобновить. Главным расходом, однако, был ассортимент, который, вместе с первой платой за аренду, составил 40 000 франков (около \$220 000 сегодня). Это было вдвое больше, чем он заплатил в свое время Пикару, но и бизнес стал гораздо солиднее. Фирма Gillion была известна своими «бриллиантовыми кольцами, жемчужными ожерельями, всевозмож-

ными украшениями отличного вкуса». И в соответствии с предложением Картье ассортимент Гийона стал включать в себя не только украшения. «Там есть роскошные блюда и столовое серебро, которые своим блеском улучшают еду, – писал один впечатлительный журналист, – поскольку человек живет не хлебом единым, а гурман ест не только ртом, но и глазами». В 1859 году, вскоре после того, как Луи-Франсуа стал законным владельцем Gillion, он отказался от аренды в Пале-Рояль, открыв дверь в более крупный бизнес. Gillion был известен как «талант безусловного превосходства», и Луи-Франсуа назвал свою новую фирму Cartier Gillion, напечатав это имя на коробках для украшений.

Обосновавшись в новом месте, он понял, что не у всех все гладко. Более десяти лет Луи-Франсуа строил бизнес по модели, которой научился у Пикара. Как и прежний хозяин, он начинал с производства, потом переехал в место, где смог продавать вещи напрямую состоятельной публике, теперь же решил ввести в бизнес сына Альфреда. У Пикара между тем были проблемы. Столкнувшись с трудностями ведения семейного бизнеса, он был вынужден разделить компанию после внутренней борьбы между двумя сыновьями от разных браков. 1859 стал годом, когда Луи-Франсуа превзошел бывшего хозяина. В этот же год у него появился главный клиент.

Оживленный Итальянский бульвар, куда фирма Cartier переехала в 1859 году, и пример того, что Луи-Франсуа там продавал: деми-парюра из золота с эмалью. Украшения были сделаны в 1869 году мастерской Fontenay, но продавались под маркой Cartier Gillion в красной шелковой коробке

После волшебной свадьбы с украшениями «на уровне самых блестящих дворов, которые когда-либо знала Франция», императрица Евгения изменила ювелирную моду в стране. Она не только возродила манеру носить длинные нити жемчуга по вечерам. По контрасту с более суровой после-революционной модой, она хотела, чтобы люди ее круга носили множество украшений. «У императрицы был красивый бальный зал в саду, там проходили лучшие балы, – рассказывала ее подруга – австрийская принцесса Полин Меттерних. – Я танцевала кадрили, представлявшую Четыре Стихии, и была частью группы, символизовавшей Воздух. В каждой группе было по четыре дамы. Те, кто изображал Землю, были усыпаны бриллиантами и изумрудами; группа Огня – рубинами и бриллиантами; группу Воды украшали жемчуг и бриллианты, а группу Воздуха – бирюза и бриллианты».

Луи-Франсуа не мог присутствовать на этих балах, но он знал о страсти императрицы к драгоценностям. Он стоял в толпе во время ее бракосочетания, восхищался, как все, величием ее золотой короны с изумрудами и бриллиантами на Всемирной выставке 1855 года. Поэтому, когда в 1859-м

императрица Евгения переступила порог его магазина, это был поистине грандиозный момент. Луи-Франсуа Картье, сын прачки и кузнеца, принимал у себя самую важную даму Франции – и самую крупную покупательницу ювелирных украшений в мире!

Если Луи-Франсуа надеялся, что императрица пришла к нему за драгоценностями, то пришлось разочароваться. Она купила у него серебряный чайный сервиз. И ничего больше. Тем не менее сам факт ее появления был своего рода оценкой – значительно более важной, чем сумма счета. По ее стопам придут другие высокопоставленные клиенты, и, к удовольствию Луи-Франсуа, за ними последуют покупатели из других стран.

На следующий год путешествующий русский князь Салтыков посетил магазин на Итальянском бульваре; он купил браслет с изумрудами и столовые приборы с черной эмалью. Покупка была скромной, но русский клиент – это важно. После Первой мировой войны американцы разбогатеют и станут источником новой клиентуры, но в XIX веке Россия сосредоточила в себе бóльшую часть мирового богатства и многих потребителей роскоши. Браслет, купленный Салтыковым, был первым свидетельством доверия от страны, которая сыграет огромную роль в будущем ювелирной компании. Но Луи-Франсуа об этом еще не знал.

Слава Парижа

В восемь часов вечера каждый третий четверг месяца Луи-Франсуа с коллегами посещал собрания *Chambre Syndicale de la Bijouterie* – гильдии ювелиров. Приходили туда и Фредерик Бушерон, и Алексис Фализ, и Жан-Франсуа Меллерьо. Был там и молодой человек по имени Теодуль Бурдые, который со временем будет тесно связан с семьей Картье. Профессиональные и человеческие связи всегда были важны для Луи-Франсуа, и гильдия, секретарем которой он являлся, была тесно сплоченной группой. Коллег объединяла страстная любовь к профессии и чувство, что, работая вместе, они добьются большего.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Существует представление, что ювелиры всегда соперничали, но это не так. Семья Картье старалась ладить с коллегами. Видите ли, мы были в одной лодке – продавали украшения важным клиентам. Конечно, мы ничем не делились (идеи будущих коллекций хранились в строгом секрете), но достаточно заглянуть в адресную книгу и переписку моего отца, чтобы увидеть, сколько ювелиров были его друзьями. Там есть и Фаберже, и Ван Клифы, и Чарльз Мур из Тиффани.

Но профессиональное общение с парижским ювелирным

сообществом было лишь частью работы Луи-Франсуа. Он прекрасно понимал необходимость выделиться из общего круга. В 1864 году, услышав, что город Байон планирует большую выставку по случаю открытия железнодорожной линии Париж – Мадрид, он собрал несколько сундуков украшений и отправился туда, чтобы показать украшения новой аудитории. К счастью, парижские коллеги до этого не додумались. Выставку посетили десятки тысяч человек, включая императора и испанских королей, но для Луи-Франсуа самым важным было присутствие прессы. В Париже ему приходилось биться за то, чтобы попасть в газеты, а в провинции журналисты были готовы рассказать читателям о великолепных украшениях из столицы.

Один обозреватель, ошибочно называя Луи-Франсуа «мсье Картье-Гийон», говорил о его «прекрасных украшениях, сделанных с личным и необычным вкусом», отмечая, что «бриллианты очень хорошо закреплены». Художественный журнал L'Artiste отмечал многофункциональность корсажного украшения, сделанного в виде букета из пяти бриллиантовых цветов в серебре: «Обладательница этого украшения должна быть вдвойне счастлива, поскольку его можно менять до бесконечности; из этого роскошного букета можно сделать пять прелестных брошей, удивительный гребень, красивую диадему и восхитительный браслет; все эти метаморфозы производятся в считанные минуты, без ущерба для украшений».

По мере того как имя Cartier распространялось все шире, а Луи-Франсуа все чаще называли «одним из чудес Парижа», шло продвижение и по социальной лестнице. Он не только поставлял серебряные и золотые пуговицы Charvet лучшему производителю сорочек во Франции, но и сам носил эти рубашки. А также мог позволить себе вести жизнь представителя среднего класса: пить хорошие вина, путешествовать (Англия, Швейцария, Германия) и вкладывать деньги в недвижимость. В 1865 году, когда его 19-летняя дочь Камилла готовилась к свадьбе, он с гордостью дал ей приданое в 40 000 франков (около \$215 000 сегодня).

Свадьба, однако, была омрачена печалью. Когда Камилла Картье шла по проходу церкви с 31-летним Луи Проспером Леконтом в 1865 году, в рядах гостей было пустующее место. Пьер Картье, 78-летний дедушка Камиллы, умер за три месяца до свадьбы. Смерть отца заставила Луи-Франсуа еще больше стремиться к превращению Cartier в успешную семейную компанию. Он предложил своему новоиспеченному зятю место в фирме. Луи Проспер имел собственный успешный магазин на улице Лафайетт, поэтому согласился не сразу. Но его время придет.

Золотые монеты

С того времени, как Луи-Франсуа переехал на Итальянский бульвар, в бизнесе ему помогал сын. Альфреду было

чуть больше 20, он научился заполнять торговые квитанции, делая быстрые зарисовки каждой проданной вещи. Научили его разбираться и в финансах. Одетый во фрак и сорочку Charvet, он был неизменно обходителен с клиентами. Но настоящий талант проявился в знании камней. Довольно быстро Альфред стал известен своим острым глазом и безошибочным чутьем на подделки.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Альфред очень хорошо знал камни. У него был собственный прием, который он использовал, делая покупки у дилеров. Решив, какие камни ему нужны, он начинал обсуждать цену, поигрывая золотыми монетами – чтобы напомнить дилеру, что сделка с Cartier означает немедленную оплату. Это было необычным для того времени, и посредники распространяли информацию о том, что господин Картье платит сразу. Они с удовольствием шли к Картье, отбирая для него лучшие камни.

Когда Альфред присоединился к делу отца, Париж кипел, жизнь улучшалась. Луи-Франсуа было около сорока, за это время население Парижа удвоилось. Наполеон Третий приказал префекту Сены, Жоржу-Юджину Османну, перепланировать город. С 1853 года перенаселенные средневековые районы стали заменяться широкими проспектами, ухоженными парками и элегантными площадями. Новый акведук увеличил поступление чистой воды, город получил современные очистные сооружения. Километры железных дорог

связали столицу с другими городами. Когда город очистился от строительных лесов, он вновь превратился в обожаемый всеми Ville Lumiere – Город Света, как его называли в век Просвещения. В 1860-х годах парижские бульвары впервые были освещены газовыми фонарями.

В 1866-м, когда Наполеон Третий был на пике власти, доходы Cartier за год достигли 48 244 франков (около \$250 000 сегодня). В следующем году, когда состоялась Всемирная выставка, в столицу приехало рекордное число гостей: 15 миллионов. Для ювелиров это было лучшее время и лучшее место. Десятилетие для семьи Картье закончилось успешно. Луи-Франсуа к этому времени стал дедом двух внучек, дочерей Камиллы, и работал бок о бок с сыном. И хотя его фирма не была столь известна и почитаема, как Mellerio или Vever, она удостоилась чести получить звание почетного коммерсанта и королевский патент от принцессы Матильды.

В 1869 году Альфред переплыл Ла-Манш с ценным грузом, чтобы продать его в Лондоне. Для 29-летнего юноши было сложно ворваться на новый рынок, но Луи-Франсуа всегда готов был дать совет: «Иди и купи сигары в магазине Обердорферз, 54 Риджент-стрит. Хозяин любит французов. Если почует скидку, то сможет посоветовать, где и как продать твои украшения». Сначала клиенты были слегка разочарованы, не увидев привычного продавца («Мадам Берджес немного сердится на меня за то, что я сам не приехал в Лондон»), но Альфреду быстро удалось завоевать их доверие и

симпатии.

Среди самых высокопоставленных клиентов Cartier в Великобритании были лорд и леди Дадли. 50-летний граф, эксперт в области драгоценностей, незадолго до этого был председателем жюри в классе ювелирных украшений на Всемирной выставке 1867 года. Он также был известен как знающий покупатель драгоценностей – особенно после второго брака со знаменитой красавицей Джорджианой Элизабет Монкрифф, чья «прелесть была совершенно невероятной». Леди Дадли была на 30 лет моложе мужа и стала своего рода знаменитостью – и дома, и за границей. Даже императрица Евгения и ее двор были «вынуждены признать, что она их затмила». Эта пара, заказавшая кольцо у Cartier в 1869 году, была наилучшей посланницей марки.

Пока Альфред помогал продвижению имени Картье, Луи-Франсуа был настроен оптимистично. Он был уверен, что построил стабильный бизнес, который можно передать следующим поколениям, и Альфред находится на своем месте. Начал подумывать о том, чтобы отойти от дел. Увы, оптимизм его продлился недолго.

Париж опустел

В июле 1870 года Наполеон Третий втянул свою страну в плохо подготовленную и разрушительную войну с Пруссией. 62-летний больной император провел войска через череду

поражений. К августу прусские войска окружили две французские армии, включая ту, которой командовал император, и падение империи стало неизбежным. Императрица Евгения сбежала в Англию, прихватив с собой всего одно украшение – медальон, который ей пришлось отдать леди Бургойн, жене владельца судна, доставившего ее в Райд. Ее подруга принцесса Меттерних, недавно танцевавшая на балах императрицы, организовала благополучную перевозку королевских драгоценностей в австрийское посольство в Лондоне. Жемчуг и бриллианты, которые некогда были символом высшей власти, стали главной страховкой от неясного будущего.

Париж превратился в военный лагерь: французские войска внутри, прусские снаружи. Осада города длилась пять месяцев. Сначала исчезла роскошь, затем предметы первой необходимости. Еды не хватало; парижане, шокированные мыслью о том, что придется есть конину, вскоре должны были смириться с гораздо худшей пищей. Активность в экономике замерла. «Бизнес во Франции повсеместно разрушен, – писал журналист в лондонской *The Times*, – треть страны лежит в руинах».

В январе 1871 года, когда затянувшаяся война нанесла слишком большой урон прусской экономике, канцлер Пруссии Отто фон Бисмарк дал приказ о бомбардировке французской столицы. Парижане бросились на защиту своего национального достояния. Памятники и статуи прятали под

землей, Лувр и другие исторические здания были закрыты мешками с песком. Бомбардировка города стала самой страшной в истории Парижа. За 23 ночи пруссакам удалось сломить дух французов и вынудить город капитулировать. Бисмарк отдал дань уважения защитникам, послав в город продукты, но настоял на том, чтобы прусский гарнизон остался в Париже. Тысячи французов бежали из страны или планировали это сделать: «Париж пуст и опустеет еще больше, – писал Теодор Дюре в мае 1871 года художнику Камиллю Писсарро. – Можно подумать, что в Париже никогда не было художников».

На фоне хаоса и запустения любой бизнес становился практически невозможным, и фирма Луи-Франсуа находилась у последней черты. В отчаянии он спрятал украшения в надежном месте и бежал в Сан-Себастьян, написав сыну, что не может выносить «зрелище пруссаков, марширующих по бульварам прямо перед моим окном». Оставшийся в Париже Альфред, с трудом выживавший на «конине, собаках и крысах», некоторое время не двигался с места. Даже после того, как Cartier окончательно закрыл свои двери, он находил возможности для бизнеса в осажденном городе и получил репутацию надежного покупателя драгоценностей среди людей, желающих превратить свои ценности в деньги. Осенью 1870 года он получил известие о смерти известной куртизанки Джулии Баруччи. Во времена Парижской коммуны она оказалась запертой в своем доме на Рю де Бен, где ее

буквально съел туберкулез. После нее остались драгоценности стоимостью в сотни тысяч франков. Ее наследники, простые итальянские крестьяне, хотели монетизировать свое наследство и согласились на предложение Альфреда стать их агентом. За комиссию в пять процентов он обещал переправить украшения через Ла-Манш и продать их англичанам. В 1871 году, крепко сжимая ручку чемодана с драгоценностями, Альфред покинул Париж и сел на корабль, отплывающий в Англию. Прибыв в Лондон, нашел жилье на улице Аргилл в пансионе г-на Стамвитца, богатого портного, эмигрировавшего из Пруссии и создавшего сильный и уважаемый бизнес в Лондоне. Луи-Франсуа, тяжело переживавший разлуку с единственным сыном, понимал, что без бизнеса за границей Cartier не пережить тяжелые времена. «Мне не надо говорить тебе, как я жажду твоего возвращения, – писал он сыну. – Мы с тобой неразделимы, поэтому мне больно, что тебе приходится оставаться в Лондоне... так долго, как тебе потребуется, чтобы бизнес принес максимальную отдачу».

Венера Милосская

Баруччи, вернее ее драгоценности, помогли Cartier выплыть из трясины блокады. Они были великолепны – и несли с собой блеск славы. Темноглазая итальянка с золотистой кожей была известна далеко за пределами Парижа. Она ста-

ла знаменитой куртизанкой в то время, когда кокетки нередко обладали бóльшей властью и богатством, чем их «уважаемые» подружки. Звезды своего времени, они появлялись в лучших ресторанах и в опере «в шикарных туалетах», усыпанные драгоценностями, – и вовсе не считали себя ниже своих аристократических любовников. Женщины полусвета принимали своих поклонников, как писал тогдашний хроникер граф де Моньи, «с достоинством и грацией посольских жен». Баруччи считалась «главной кокеткой» своего поколения. «*Je souis (sic) le Venus de Milo, Je souis (sic) la premiere putain de Paris*» – «Я – Венера Милосская, я – первая шлюха Парижа», – говорила она с сильным итальянским акцентом. Только самые богатые мужчины могли позволить себе роскошь увидеть ее обнаженной. Ее красивый дом номер 124 на Елисейских Полях, со слугами в ливреях и белым ковром на лестнице, был свидетельством власти над модным Парижем. Она коллекционировала украшения и визитные карточки многочисленных поклонников. Украшения, стоимость которых, по слухам, составляла миллион франков, были гордо выставлены в кабинете, перед глазами восхищенных посетителей. Визитные карточки приближенных ко двору, членов императорской семьи, многочисленных европейских дипломатических работников хранились в китайской вазе на камине.

Когда герцог де Грамон-Кадерусс попросил ее встретиться с принцем Уэльским (будущим королем Эдуардом VII), ей

было предписано прийти вовремя и вести себя вежливо. Она опоздала на 45 минут, явилась усыпанная бриллиантами – и ее представили разъяренному принцу как «самую непунктуальную женщину Франции». Безо всякого чувства вины она повернулась и молча скинула платье. Когда герцог впоследствии попенял ей на это, она воскликнула: «Разве вы не сказали мне вести себя вежливо по отношению к Его Высочеству? Я показала ему лучшее, что у меня есть. Притом – бесплатно!»

К тому времени, когда Альфред прибыл в Лондон с украшениями Баруччи, новости о ее смерти достигли ушей принца Уэльского: ему сообщил об этом ее брат, который пытался шантажировать будущего короля. Он нашел в вещах сестры интимную и компрометирующую переписку с «Его Высочеством» и требовал 1200 фунтов стерлингов (около \$145 000 сегодня), чтобы она не была предана огласке. В конце концов дело решил личный секретарь принца, который, убедившись, что письма подлинные, смог получить их обратно за четверть запрошенной суммы. Принц испытал чувство облегчения, но советники были вынуждены тактично попросить его быть более осмотрительным.

Среди украшений куртизанки, которые доверили продать Альфреду, было десятирядное жемчужное кольцо и множество драгоценных предметов, находившихся в ее знаменитом сундучке. Прибыв из экономически парализованного города, он был счастлив обнаружить множество заинтересо-

ванных покупателей. По контрасту со многими коллегами, которые отреагировали на осаду и взятие Парижа пруссаками закрытием своих магазинов, путешествие Альфреда через пролив принесло 800 000 франков (около \$4,2 миллиона сегодня). Он получил немалую солидную комиссию в 40 000.

В последующие два года Альфред проводил больше времени в Лондоне, чем в родном городе. Он стал посредником между французскими изгнанниками, которые вынуждены были продавать свои драгоценности, и английской аристократией, сословные требования которой диктовали перемену украшений к каждому ужину. И хотя некоторые богатые французы предпочитали продавать вещи через аукционы (императрица Евгения выбрала господ Кристи и Вудса для продажи «нескольких выдающихся украшений, принадлежавших даме с титулом»), другие, менее известные, полагались на мсье Картье. Он уже не был никому не известным ювелиром в незнакомом городе: успешная продажа украшений Баруччи и покровительство таких клиентов, как лорд и леди Дадли, повысили его репутацию и среди французских продавцов, и среди английских покупателей. Довольно скоро он заработал для Cartier звание официального поставщика Сент-Джеймского двора.

Следуя завету отца – всегда быть добрым с людьми, Альфред завязал дружеские отношения со многими изгнанниками в Лондоне, вне зависимости от положения и обстоятельств. В некоторых случаях это принесло пользу. Фран-

цузская куртизанка Леонида Леблан, выступившая на сценах нескольких английских театров с благотворительными концертами в пользу французских военнопленных, была благодарна Альфреду за поддержку. Вернувшись во Францию, она стала любовницей герцога д'Омаль и одной из самых важных клиенток Cartier. (Герцог был самым богатым сыном короля Луи-Филиппа и ключевой фигурой парижского высшего света.) Однажды Леблан ехала в поезде в замок своего любовника в Шантийи и услышала, как три светские дамы по соседству рассказывали друг другу, насколько близко они знакомы с герцогом. «Я обедаю с герцогом завтра», – хвасталась одна. Вторая сообщила, что обедает с ним на следующей неделе, а третья – что они с мужем останутся в его замке в следующем месяце. Леблан не проронила ни слова до тех пор, пока поезд не прибыл на станцию, и вот тут ее прорвало. Мило улыбнувшись, она произнесла: «А я, дамы, сегодня буду спать с герцогом».

Передача правления

Когда пруссаки оставили город, Луи-Франсуа Картье вернулся в Париж и снова открыл магазин. Альфред был по-прежнему далеко, и 54-летнему хозяину помогал его зять Проспер Леконт, чей собственный бизнес не уцелел под оккупацией. Луи-Франсуа был счастлив осознать, что Cartier все больше становится семейным делом, и предложил Про-

сперу, Камилле и их детям переехать в квартиру, которая располагалась на Итальянском бульваре. В 1873 году они расположились в квартире, а служанка жила в комнате на чердаке.

«Проспер делает наброски в журнале продаж... как ты бы делал», – писал Луи-Франсуа Альфреду в конце августа 1873 года, терпеливо ожидая возвращения сына и размышляя о будущем семьи. У него были внуки от дочери, но он хотел наследника Картье – и понимал выгоду от брака сына с богатой девушкой. Строительство фирмы с нуля было делом трудным. И хотя за прошедшие годы Cartier привлекла нескольких важных клиентов, чаще покупатели приходили сюда за незначительными вещами. Для сына Луи-Франсуа хотел большего.

Удержав свой бизнес на плаву в годы революции и войны, основатель Cartier Луи-Франсуа Картье вышел на пенсию и посвятил оставшиеся годы самообразованию. Круг его интересов был необычайно широк: от Античной Греции до ин-

вестиций на фондовой бирже

Осенью 1873 года, вскоре после возвращения сына в Париж, Луи-Франсуа официально отошел от дел. Но он не просто передал дело Альфреду. Веря в то, что сын будет больше ценить семейный бизнес, если заплатит за него, Луи-Франсуа продал ему Cartier за 143 000 франков (около \$640 000 сегодня). В эту цену входил практически весь товар – от колец, серег и кольца до подсвечников и серебряных чайников, что составило львиную долю стоимости. Цена самой фирмы («клиенты» плюс «оборудование магазина») составила треть общей суммы.

Как в свое время Пикар, предоставивший ему рассрочку на покупку фирмы, Луи-Франсуа предложил Альфреду разделить оплату на 10 частей с 5-процентным повышением в год.

Контракт, однако, показывал, что даже у доверия отца к сыну были свои пределы: Альфред «не имел права продать бизнес или сдать его в аренду до тех пор, пока не выплатит всю сумму». Не забывая о своем счастливом избавлении от огня, Луи-Франсуа добавил в договор и такую строчку: покупатель «должен сделать все необходимое для страховки от пожаров». Только теперь, когда сын встал во главе семейной компании, Луи-Франсуа ушел на пенсию, о которой мечтал годами. Он хотел путешествовать, выучить языки и влиться в живую среду парижских художников.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

«Кровь – не водица» – считали в клане Картье. И подчеркивали, что никому нельзя верить так, как членам семьи. Но и ответственность не может даваться просто так – ее нужно заслужить. Отец научил меня этому, заставив работать целое лето в конюшне перед тем, как я получил свою лошадь.

Свадьба по расчету

К тому времени, как Альфред стал владельцем магазина Cartier, у Луи-Франсуа уже была кандидатура будущей невестки. Алиса Гриффей была младшей дочерью покойного Жозефа Гриффея, дилера ценных металлов из Оверни, оставившего семье состояние около миллиона франков (около \$5,3 миллиона сегодня). В январе 1872 года единственная сестра Алисы, Мари, вышла замуж за Теодуля Бурдые – 48-летнего ювелира, которого Луи-Франсуа знал долгие годы.

Бизнес Бурдые был значительно более известным в парижском ювелирном мире, нежели Картье, несмотря на то, что был создан почти на 15 лет позже. В 1872 году его оценивали в 360 000 франков (около \$1,7 миллионов сегодня) – вдвое дороже, чем стоимость Cartier год спустя. Бурдые поведал Луи-Франсуа, что собирается использовать приданое жены для дальнейшего расширения. Заинтригованный Луи-Франсуа навел справки о незамужней младшей сестре Ма-

ри. Когда он узнал, что вдова, мадам Гриффей, хочет выдать вторую дочь за молодого человека с похожими перспективами, то направил все усилия на то, чтобы финансовое положение его сына прошло «ценз». (Одна из причин скорой продажи бизнеса сыну.)

После нескольких раундов переговоров было решено, что Альфред и Алиса поженятся. Несмотря на то что это был договорной союз, жених, стремящийся к процветанию только что приобретенной фирмы, был счастлив откликнуться на предложение отца. Окончательный размер приданого был установлен в 100 000 франков (около \$430 000 сегодня), и Альфред, чьим вкладом в женитьбу была фирма Cartier, мог рассчитывать на двойное увеличение ее стоимости. Всего через неделю после подписания брачного контракта пара сочеталась браком в той же церкви, где 21 год назад крестили Алису. Но, в отличие от отца, Альфреду не пришлось переезжать в семью невесты. Молодожены поселились в красивом высоком доме, который Луи-Франсуа построил незадолго до этого на улице де Прони, 14. Этот район на правом берегу Сены был частью обширного проекта реновации города, которая длилась уже 20 лет. 17-й округ Парижа, один из восьми новых районов, построенных Османном, считался его идеальным творением. К тому времени, как Альфред и Алиса въехали в свой новый дом, район был заселен представителями высшего класса. Дома «очень хорошо содержались» и, как писал Эмиль Золя, «имели привратника, напуд-

ренного консьержа, массивную лестницу, обширную прихожую, диваны, кресла и цветы». Недалеко от дома был парк Монсо – оазис спокойствия, привлекавший аристократов и художников ухоженными дорожками, мостом, скопированным с Риальто в Венеции, прекрасными садами и узорными воротами.

За два поколения семья Картье прошла большой путь. Мать Луи-Франсуа была прачкой, а его невестка вышла из семьи богатого купца. На фото: Альфред в зрелые годы и Алиса Гриффей накануне свадьбы

Через 11 месяцев после свадьбы Алиса родила Альфреду наследника. Получивший имя обоих дедушек, Луи-Жозеф Картье родился дома в воскресенье 6 июня 1875 года, в восемь часов вечера. Его появление на свет было радостью для семьи, которая пережила перед этим несколько ужасных недель. В апреле умерла племянница Альфреда, трехлетняя дочь Камиллы Жанна. Эта трагедия глубоко потрясла 56-летнего Луи-Франсуа. В день смерти внучки он купил кусок земли на кладбище Пер-Лашез под семейный склеп. Склеп, находящийся там до сих пор, был не только способом дать любимым упокоение, которого они заслуживали, но и символом того, как далеко продвинулась семья Картье. Его отец, Пьер, не смог бы воздвигнуть такой памятник. Как только было закончено строительство склепа, Луи-Франсуа перенес туда останки маленькой Жанны и отца.

Отец высокой моды

Для Альфреда период после рождения сына был непростым. Стабильность деловой жизни при Наполеоне Третьем была давно в прошлом. После поражения во франко-прус-

ской войне Францию обязали выплатить Германии 200 миллионов фунтов стерлингов (более \$24 миллиардов сегодня) в качестве репараций, что стало тяжелейшей ношей для страны. Приход к власти Третьей республики привел к столкновениям роялистов и республиканцев; финансовый крах 1873 года в Америке вызвал длительную депрессию по обе стороны Атлантики. Европе пришлось сражаться с великими трудностями. Уныние, казалось, проникло даже в сферы творчества. По контрасту с блистательным двором императрицы Евгении «вдохновение и вкус, казалось, покинули французских ювелиров». В 1875 году, когда Альфред пытался выплатить долг отцу, доходы Cartier резко сократились.

Альфред был не из тех людей, которые сидели сложа руки. Как и во время захвата Парижа, он покупал украшения у тех, кто отчаянно нуждался. Однако находились и другие возможности. Уже некоторое время Картье замечали, не без нотки ревности, что богатые дамы предпочитают платья украшениям. Видя, сколько денег идет на модные туалеты, в том числе от зарубежных клиентов, Картье решили сделать коммерческое предложение одному из самых знаменитых столичных модных домов.

Чарльз-Фредерик Ворт (Charles Frederick Worth) был первым международно признанным модельером – задолго до Chanel, Dior и Yves Saint Laurent. «Отец haute couture», Ворт совершил революцию в индустрии моды. В своем магазине на престижной Рю де ла Пэ он первым ввел кринолины и

турнюры – платья с пышным украшением сзади. Он был первым стилистом, использовавшим живых моделей, и первым дизайнером, устроившим показ мод.

И Луи-Франсуа, и Чарльз-Фредерик Ворт начинали простыми рабочими, но прогресс Ворта был просто космическим. Он приехал в Париж из Англии в 1845 году, когда ему было 20 – без единого слова по-французски и с пятью фунтами в кармане. Знание текстиля, полученное во время ученичества в Лондоне, помогло ему найти работу; спустя 10 лет его уникальный талант в области конструирования платьев был отмечен призами Всемирной выставки 1855 года. Три года спустя – перед тем, как Луи-Франсуа купил Gillion, – Чарльз-Фредерик открыл собственный Дом моды. И когда принцесса Меттерних появилась в Тюильри в платье Ворта перед императрицей Евгенией, будущее его было определено. «Ворт получил покровительство, а со мной было покончено, – вспоминала позднее принцесса. – Ни одно платье дешевле 300 франков не увидело больше дневного света».

В случае Ворта покровительство императрицы было значительно более заметным, чем купленный у Картье чайный сервиз. Вместе с шикарными платьями его слава распространилась среди дам двора, затем – среди аристократов за пределами Франции. В последующие десятилетия Париж стал местом покупок для принцесс, императриц, богатых наследниц – потому что там можно было купить платья Ворта. Слава модельера все возрастала.

CARTIER GILLION,
JEWELLER,
CURIOSITIES, WORKS OF ART,
9, BOULEVARD DES ITALIENS, 9,
PARIS.

ADVERTISEMENTS.

CHOICE OF
ART & STYLISH
JEWELLERY,
CARTIER GILLION,
9, BOULEVARD DES ITALIENS.

Маркетинговая стратегия Альфреда была направлена на расширение аудитории путем рекламных объявлений в *American Register*. *Вверху* – рекламное объявление 1878 года, *внизу* – 1884-го

Когда Альфред пришел к Ворту в 1870-х годах, то хотел просить его выставить несколько украшений в витринах на Рю де ла Пэ за небольшую комиссию. Ворт согласился, и Картье получил доступ к огромным состояниям тех, кто часто приезжал в Париж, особенно – американцев. Постро-

ившие свой бизнес с нуля промышленники и банкиры из-за Атлантики имели состояния, готовые поспорить со «старыми деньгами» европейских аристократов. И у Альфреда появилась идея: рекламировать свою фирму в англоязычных газетах. В период с мая 1878 года по январь 1884-го он опубликовал более 100 рекламных объявлений Cartier Gillion в субботнем приложении к American Register, первой американской газете в Париже.

Вспышки гнева

Начало жизни Луи Картье ничем не напоминало детство его дедушки. По контрасту с перенаселенным домом Гермонпре, юный Луи имел достаточно места, чтобы бегать и играть, и слуг, которые заботились о его нуждах. Он даже мог играть с другими хорошо одетыми мальчиками на стриженных газонах соседнего парка Монсо, где в то время Клод Моне писал свои первые гениальные картины.

Но в доме Картье не было покоя. Алиса порой чувствовала себя несчастной в роли матери. Когда Альфред предложил ей с двухлетним сыном провести лето за пределами Парижа, она была недовольна. «Мне пришлось пожертвовать собой, принимая семейную жизнь, которая привязала меня на все лето», – писала она мужу, раздраженная тем, что пришлось оказаться в изоляции в приморском городке Трепор на севере Франции, вдали от столицы. Это были трудные годы для

Алисы. В ноябре 1875 года, когда Луи было всего несколько месяцев, ее горячо любимая мать внезапно умерла в возрасте 48 лет. «Я часто думаю о маме – ее невозможно заменить; потеря настолько велика, насколько эта женщина была совершенна». Пять месяцев спустя, как бы повторяя трагическую смерть маленькой Жанны, умирает трехлетняя дочь сестры Алисы, Марта Бурдые. Печаль Алисы можно было понять, но Альфред начал подозревать, что она склонна к повышенной эмоциональности. «Сегодня все говорит о печали, – писала она, беременная вторым ребенком, – и... мне очень трудно удерживаться от рыданий».

Двухлетний Луи был столь же упрям, как и мать. «Твой сын имел страшную вспышку раздражения после обеда по поводу мясного салата, который я ему не дала. Он съел яичницу и немного курицы, так что был вполне сыт, но он становится очень жадным». Алиса отказывалась поощрять такие привычки сына, требуя от него хороших манер: «Поскольку он не попросил у меня прощения, то отправился в кровать без десерта». Женщина сильной воли, она требовала серьезного и уважительного отношения к себе: «Когда ты замужем и являешься матерью семейства, тебе нужна власть; я не отступлю ни на шаг». И все же, несмотря на усталость и жалобы, она любила Альфреда. В конце писем всегда стояло «большой поцелуй от твоей маленькой жены»; у пары родились еще трое детей. Второму суждено было появиться, когда Луи было три года. Пьер-Камиль, второй сын, названный

в честь деда Альфреда и его сестры, родился в марте 1878 года.

К концу 1880-х Альфред надеялся, что тяжелые времена заканчиваются. Банки снова стали давать кредиты, появились новые компании. Семья Картье, осторожничавшая после пережитой нестабильности, решила не делать долгов, но внимательно следила за тем, как остальные пускают в дело легко достающиеся наличные деньги. В 1883 году доходы Cartier составили более 90 000 франков – вдвое больше, чем семь лет назад, – благодаря притоку богатых клиентов, готовых тратить деньги на роскошь. Альфред увеличил ассортимент, закупая более разнообразные и экспериментальные вещи. Семейные записи говорят о том, что он проявлял особый интерес к изделиям из платины, в основном – к простым маленьким предметам типа булавок и пуговиц.

Но как только жизнь стала налаживаться, семью постиг новый удар. Деверь Альфреда Проспер Леконт неожиданно умер во сне в возрасте 47 лет. Это была огромная потеря для семьи и для фирмы, где Проспер был правой рукой Альфреда. Камилла осталась вдовой с четырьмя детьми в квартире над шоурумом Cartier. Луи-Франсуа обещал помогать им материально, но было решено, что на Итальянском бульваре должна жить семья Альфреда. Камилла с детьми переехала в дом, которым владел ее отец, – в городок Аснер-сюр-Сен.

У Альфреда и Алисы родились еще двое детей. В 1884 году у девятилетнего Луи и шестилетнего Пьера появился

младший брат. Жак-Теодуль получил имя в честь дяди и крестного отца Теодуля Бурдые – но с отсылкой к знаменитому французскому исследователю, открывшему Канаду. Год спустя, в 1885-м, на свет появилась Сюзанн – обожаемая младшая сестра трех братьев.

«Без короны не бывает короля»

Подъем в Париже не продлился долго. В 1882 году рухнул банк Union Generale, что привело к краху на бирже и многочисленным банкротствам. Несмотря на то что очень осторожные в плане финансов Картье остались на плаву, зарабатывать стало труднее. Альфред держал фирму, продавая недорогие вещи, но выручка была мала: за три года доход Cartier упал на 30 процентов.

В следующем году Париж стал свидетелем крайне противоречивых торгов. Продажа французских королевских украшений с аукциона велась в течение двенадцати исторических дней в мае 1887 года. Зрители толпились в Лувре, чтобы вблизи увидеть великолепные драгоценности. Чувства публики разделились на диаметрально противоположные. Поборники продажи говорили, что демократия должна избавляться от фривольных предметов роскоши, «лишенных моральной ценности». Их целью было уничтожение роялистских настроений в обществе и сведение к минимуму опасности переворота: «без короны король не нужен». Другие в

ужасе смотрели на то, как уничтожаются символы их страны – принцесса Матильда впоследствии подвергала остракизму женщин, которые осмеливались носить в ее присутствии украшения, купленные на аукционе. За украшения бились Tiffany, Vanst, Aucoc, Bourdier и Boucheron. Cartier среди них не было – Альфред не мог рисковать фирмой, взяв большой кредит. Следующее поколение Cartier будет принимать участие во всех исторических аукционах мира – и даже купит некоторые знаменитые украшения. Но в тот момент они были в стороне от большой игры.

Голова в облаках

Летом 1889 года Альфред с семьей, несмотря на необычайные для этого времени года грозы, отважились посетить самую крупную на то время Всемирную выставку. После долгих лет нестабильности французская экономика снова была на подъеме, который на этот раз продлится несколько десятилетий. Выставка была призвана укрепить позиции Парижа как столицы культурного мира. Приняв рекордные 32 миллиона посетителей, она проводилась в столетнюю годовщину взятия Бастилии. Самое высокое строение в мире, Эйфелева башня, была возведена к этому событию, утвердив положение Франции как самой прогрессивной страны.

Ювелирный отдел выставки возглавлял бриллиант «Империял», найденный пять лет назад в Индии. Весивший 400

карат до огранки, он считался самым большим алмазом в мире. Бурдые получил золотую медаль жюри выставки, но на этот раз на высшую ступень встал Boucheron вместе с Vevee. Талант Бушерона был удостоен самого престижного приза – Grand Prix за украшения с драгоценными камнями. Cartier, будучи скорее продавцом, а не ювелиром со своим стилем, предпочел не брать стенд на выставке, но в шоуруме на Итальянском бульваре можно было купить памятные сувениры, например, маленькие подвески в виде Эйфелевой башни.

В категории «кутюрье» Гран-при получил Ворт – за вечернюю накидку с изображением голландских тюльпанов (сегодня она находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке). Жюри отметило, что работа с шелком в этой вещи превзошла все, что было ранее. К этому времени к 64-летнему Чарльзу Фредерику присоединились в бизнесе сыновья: Жан-Филипп и Гастон. Их творения на выставке, как это было принято у Ворты, не просто висели на манекенах, но демонстрировались на живых моделях, среди которых была восьмилетняя дочь Жана-Филиппа. Андре-Каролина была плодом любви ее отца и одной из моделей дома Ворты. Будущее девочки могло пострадать из-за внебрачного происхождения, но ее отец, у которого не было других детей, поклялся вырастить ее членом семьи Вортов. Когда Альфред увидел девочку, которая была на шесть лет моложе его старшего сына, зародилась идея. А что, если бы между семьями возник настоящий союз – брачный?

Для Луи Картье, 14-летнего самоуверенного подростка, посещение выставки с отцом стало источником воспоминаний на всю жизнь. Любознательный от природы, он пропадал в просторной Галерее механизмов – самом большом крытом павильоне в мире, разглядывая новые изобретения и необычные строения: локомотивы и ацтекские храмы. В католической школе Stanislas его ругали за отсутствие усердия в учебе, но высокий интеллект мальчика никогда не подвергался сомнению.

Любопытный и творческий по натуре, молодой Луи Картье (*внизу*: студенческое удостоверение 1895 года) интересовался всем: от новейших изобретений и древних цивилизаций до науки и дизайна. Его отец тем временем был занят устройством его будущего брака с Андре-Каролиной Ворт (*вверху*: в возрасте восьми лет, демонстрирующая одно из знаменитых платьев деда в 1889 году)

Все три брата Картье получили привилегированное образование, о котором их дед мечтал в детстве, хотя Альфред высказывал опасения, что старший сын воспринимает это

как должное. «У него доброе сердце, но нередко он выглядит суровым, – говорилось в одном из школьных отчетов. – Не уделяет должного внимания замечаниям о собственном характере». Луи получил девять низших оценок в тот год – больше, чем кто-либо в его возрастной группе. Единственный предмет, в котором он превосходил всех, было рисование. Учителя видели его творческую натуру и признавали, что у мальчика хорошие мозги, но были в отчаянии от его неуправляемости. Он был слишком мечтательным: «Его голова всегда в облаках». По иронии судьбы именно эти качества – выдающееся воображение Луи и его отказ следовать общим правилам – вознесли Cartier на недостижимую высоту.

В защиту Луи можно сказать, что жизнь дома не была гладкой. Альфред беспокоился о здоровье жены. Понятно, что с четырьмя детьми она иногда чувствовала себя усталой, но со временем он стал бояться, что было и нечто большее. Лишь позднее ее нездоровье связали с наступлением менопаузы. А пока ее поместили в больницу, и Альфред остался дома с четырьмя детьми. К счастью, Луи-Франсуа, расставшийся к этому времени с женой и живший в большой квартире на авеню Опера, помогал сыну с детьми. Внуки часто вспоминали о времени, проведенном в обществе деда, и его рассказы о детстве, сильно отличавшемся от их собственного.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Все три брата были очень близки с отцом. И с дедом.

Конечно, это уважение к старшим, но я думаю, и нечто большее. Они были готовы сделать друг для друга все. Это не значит, что они никогда не дрались, но всегда быстро мирились. Семья – это главное.

Прекрасная Эпоха

Каждый раз, когда в двери дома номер 9 по Итальянскому бульвару входил новый клиент, Картье праздновали это как маленькую победу. В конце XIX века клиентская база фирмы включала в себя видных аристократов: принц и принцесса Ваграм, принц Педро Бразильский и принц Саксе-Кобург. Луи-Франсуа гордился успехами сына.

Альфред же мечтал о большем. Клиенты приходили к Cartier за мелкими вещами, предпочитая делать более крупные покупки в других местах. И если Бурдые прославился на весь мир, представив императрице России покрытое эмалью яйцо с букетом бриллиантовых фиалок внутри, то высшим достижением Cartier был контракт на изготовление бронзовых медальонов для города Бордо. Это было хорошо для бизнеса с точки зрения финансовых поступлений – но очень далеко от престижной работы, которая могла бы превратить Cartier в известную марку. Альфред смотрел на успех своего деверя в России с нескрываемой завистью.

Тем временем ювелирная индустрия получила толчок в результате неожиданного открытия. С тех пор как сын кре-

стьянина нашел сверкающий камень на берегу Оранжевой реки в жаркой пустыне на севере Южной Африки, алмазный бизнес резко пошел в гору. Тот камень, найденный в марте 1867 года, стал первым алмазом южноафриканского происхождения. Он весил 21,25 карата и впоследствии получил название «Алмаз Эврика». Эта находка привела к открытию крупных месторождений алмазов в последующие десятилетия и образованию алмазодобывающей компании De Beers во главе с Сесилом Роудсом. До этого бриллианты находили в небольших количествах в Индии и Бразилии и ценились гораздо выше жемчуга. Теперь же, когда они стали более доступными, цены на жемчуг и бриллианты поменялись местами: натуральный жемчуг стал самым дорогим материалом в мире.

Увеличившаяся доступность бриллиантов совпала с желанием нуворишей разных стран завоевать свое место в бизнесе с помощью роскошных украшений. Банкиры, промышленники и спекулянты из Америки, Германии и Англии стали покупать камни, затмевавшие украшения императрицы Евгении и принцессы Матильды. Мир аристократии расширился за счет тех, кто мог себе позволить платить за антураж. В последнее десятилетие позапрошлого века браки между заграничными деньгами и «голубой кровью» случались все более часто. Когда разорившийся аристократ Бонифаций (Бони) де Кастеллан женился на богатейшей американской наследнице Анне Гульд, роскошные праздники,

которые они устраивали, стали символом экстравагантности Прекрасной эпохи. В Англии наследница железнодорожной империи Консуэло Вандербильт вышла замуж за герцога Мальборо – и стала первой в веренице «долларовых принцесс», присланных из Нью-Йорка, чтобы улучшить финансовые дела аристократических землевладельцев.

С прибытием американских наследниц в Европу приплыли их драгоценности, но возникла и потребность в новых. Консуэло Вандербильт привезла с собой нити жемчуга, принадлежавшие Екатерине Великой и императрице Евгении. Несмотря на то что ее бриллиантовая тиара «неизбежно вызывала головную боль», она подняла планку среди покупателей ювелирных украшений в Европе. И хотя размер камней по-прежнему был главным параметром, появлялось все больше хорошо информированных покупателей из Северной и Южной Америки, которые ценили качество работы.

В этих обстоятельствах знания Альфреда сослужили ему хорошую службу. Даже если Cartier пока не была известной компанией среди долларовых принцесс, само окружение, в котором вырос интерес к драгоценным камням, было благоприятно для бизнеса. Альфред двадцать лет строил здание на фундаменте, заложенном его отцом. И теперь надеялся подняться на следующий уровень.

Карта

Подсчитывая дневную выручку в шоуруме, в котором он практически вырос, Альфред слышал голоса сыновей наверху. Луи, 18-летний чрезвычайно самоуверенный молодой человек, хотел поговорить с братьями о чем-то важном. 15-летний Пьер, разумный и готовый угождать, был рад подчиниться. Жак, взрослый для своих 9 лет, был просто рад, что его позвали. Братья говорили о разделении и завоевании, как будто играли в войну, – но здесь не было фишек и игрушечных солдат. И это не было игрой.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Братья очень рано поняли, что хотят распространить бизнес за пределы Парижа. Отец рассказывал мне, как Луи взял карандаш и поделил карту мира между ними. Итак, Луи – старший и главный среди братьев – взял себе Париж, главный офис; также он хотел отвечать за Европу и всех важных правящих персон. Пьеру достались Америки – Северная и Южная. А моему отцу отвели Англию – звучало не очень значительно, но туда входили все британские колонии. А Индия была особенно важна в плане камней.

Сидя в своей спальне, окна которой выходили на шумный Итальянский бульвар, братья склонились над картой мира.

Они знали, что придет их время возглавить семейный бизнес, и больше всего на свете хотели добиться, чтобы дед и отец гордились ими. «Никогда не забывай нашу мечту – создать крупнейшую ювелирную фирму в мире!» – писали они друг другу.

Всемирная выставка 1889 года и приток иностранных гостей в Париж в последующее десятилетие вывели Cartier за пределы Франции. Даже старый Луи-Франсуа, которого нелегко было удивить, был ошарашен богатством, хлынувшим из-за границы. И братья начали осознавать, что у них было нечто, чего их отец и дед были лишены. Их было трое, они могли выйти на другой уровень и вывести Cartier за рамки Парижа. Вывести в мир.

Часть II

Разделяй и властвуй

(1898–1919)

«Ты знаешь, что братья для меня – все. Только вместе мы сможем исполнить мечту и привести наш Дом во все четыре стороны света».

– Из письма Пьера Картье Жаку Картье, 1915

2

Луи (1898–1919)

Весенняя свадьба

30 апреля 1898 года. В Париже весна. У церкви Мадлен неподалеку от Елисейского дворца собралась толпа в надежде увидеть хоть одним глазком 16-летнюю невесту, прибывшую в сопровождении отца. Разглядывая туалеты друг друга и пытаясь занять место получше, гости жаждали увидеть, во что будет одета внучка известнейшего в мире модельера в самый важный день своей жизни.

Стоя у алтаря, 23-летний жених приятной наружности чувствовал себя неловко. Как правило, Луи Картье любил быть в центре внимания, особенно в окружении сливок парижского общества. Но этот день не был обычным. Луи поглядывал на отца, ища поддержки, в то время как тот приветствовал сотни гостей, съезжавшихся к церкви. Зарождался союз двух великих семей. Великой пока была лишь одна семья – Вортов, вторая же только стремилась к величию.

За несколько дней до свадьбы Луи пришел к отцу в полном отчаянии. Он уверял, что не может жениться на этой девушке. Она ему не подходит. Он понимал, что союз будет по-

лезен для бизнеса, но как же личная жизнь? Она сделает его несчастным. Она не похожа на других девушек: ее настроение меняется за минуту – от угрюмости до истерики. Его 14-летний брат Жак тоже это заметил: «Я провел несколько часов наедине с ней и был потрясен ее странностью и меланхолией; я чувствовал, что она не совсем в себе».

Позднее Жак будет вспоминать, как вскоре после знакомства Андре-Каролина заставила его прочитать несколько странных книг, выбор которых удивил его, учитывая ее юный возраст. Пока он читал, она «сидела молча в течение нескольких часов с отсутствующим видом. Но иногда вдруг становилась слишком веселой без каких-либо причин». Он был вынужден признать ее «душевнобольной». Он знал, о чем говорит. «Я и раньше был свидетелем нервных кризисов». Он имел в виду свою мать, Алису.

Луи умолял отменить свадьбу. Альфред, который сам женился по расчету два десятка лет назад, не хотел и слышать об этом. Разговор закончился сильнейшей ссорой. Жак, которого брат попросил присутствовать при разговоре, был потрясен силой реакции отца: «Я стал свидетелем сцены, когда отец буквально заставлял брата жениться, схватив его за руки и высказывая озабоченность будущим семьи и бизнеса... если бы не обязательства, сковывавшие брата, я уверен, что он разорвал бы помолвку».

Слева – Луи Картье в возрасте 23 лет в 1898 году; *справа* – 13-летняя Андре-Каролина Ворт в 1894 году. Обе фотографии сделаны Надаром

Но выхода не было. Пока Луи стоял у алтаря, внимание всех присутствующих было приковано к дверям церкви, где появился силуэт Андре-Каролины в сопровождении отца. Луи пытался справиться с внутренним дискомфортом. Подняв вуаль, он увидел знакомое отсутствующее выражение в глазах невесты. Она выполняла свадебные ритуалы «в бессознательном состоянии». Жак, стоявший у алтаря рядом с братом, позднее вспоминал «отсутствующее выражение, потрясшее меня... я был уверен в том, что она больна, молодая девушка... для которой идея гармонии не имела никакой ценности».

Если это и было так, газеты оставались в полном неведении. Парижские журналисты с восторгом писали о толпе, собравшейся на ступенях величественной церкви, похожей на греческий храм, чтобы увидеть «прелестную невесту в блеске молодости». Больше всего их занимала ее семья. В конце концов, она была внучкой самого великого мсье Чарльза-Фредерика Ворты, оказавшего «великую услугу Франции, развивая индустрию роскоши». Комментарии журналистов по поводу Ворты и французской роскоши могли бы затронуть и Cartier как фирму, занятую ювелирными продажами, однако ни семья Картье, ни фирма не были упомянуты. Моло-

дой Луи Картье был настолько не известен публике, что Le Figaro дважды пришлось пояснить, кто же стал женихом Андре-Каролины.

Именно поэтому Альфред был настойчив и велел старшему сыну выполнять его указания. Договорные браки были нередки во Франции; этот союз должен был создать прочную связь между мало известными за пределами Парижа Картье и всемирно признанными Вортами. Когда в 1895 году Чарльз-Фредерик Ворт умер, его дело перешло к сыновьям Гастону и Жан-Филиппу. В нормальной ситуации Картье пришлось бы побороться, чтобы войти в семью Ворт, но поскольку на Андре-Каролине лежала печать незаконно-рожденной дочери, она не могла выйти замуж за аристократа. Жан-Филипп, желавший, чтобы его дочь вышла замуж за уважаемого человека, приветствовал предложение Альфреда от лица его старшего сына. И так же, как Луи-Франсуа обсуждал брачный контракт своего сына с семьей Гриффей два десятилетия назад, Альфред договаривался о будущем союзе своего сына.

Условия контракта были выгодными для Картье. Луи, женившийся на любимой дочери Жан-Филиппа, получал не только очень приличное приданое в 720 000 франков (около \$3,85 миллиона сегодня), но и доступ к лучшим потребителям роскоши в мире. Когда Дж. П. Морган услышал, что внучка его покойного друга Чарльза-Фредерика Ворта собирается замуж за Луи, он нанес тому визит, пообещав покро-

вительство – и тут же купил украшений на 50 тысяч.

Когда Альфред впервые озвучил сыну идею этого брака, тот оказался не против, поскольку любил быть на авансцене. На Андре-Каролину было приятно смотреть (в пору ухаживания он прозвал ее Хорошенькая), и он прекрасно понимал, как этот союз поможет семейному бизнесу. Но чем больше времени он проводил с будущей женой, тем серьезнее были сомнения. К тому времени, когда состоялась стычка с отцом накануне свадьбы, он уже принял решение. Он пойдет под венец только в том случае, если отец согласится на развод, если брак будет несчастливым. Альфред, страстно желавший, чтобы его договоренности с Жан-Филиппом не были нарушены, согласился с единственным условием сына, но выдвинул встречное требование: если развод произойдет по инициативе Луи, то не ранее чем после 10 лет брака. Это давало Картье достаточно времени, чтобы получить выгоду от союза с Домом Ворта.

Дом 13 по Рю де ла Пэ

С детства братья Картье мечтали построить семейный бизнес, который превратится в самую известную в мире ювелирную фирму. К 1898 году, когда Луи присоединился к отцу в шоуруме на Итальянском бульваре, у Cartier была надежная клиентская база и несколько постоянных покупателей из-за рубежа, но до известности вне Франции еще было

далеко. Они жаждали заполучить американских гранд-дам, образ жизни которых воплощала Элис Рузвельт Лонгворт. Вашингтонская пресса писала о том, как они «покупали наряды в Париже, возвращались домой, может быть, пускались в короткое путешествие вверх по реке, потом посещали Нью-порт, потом опять по реке; Нью-Йорк на Рождество, затем снова Париж и покупка новых платьев, потом Лондон. Это была жизнь, похожая на бесконечную рождественскую пьесу».

Примыкающая к Вандомской площади, Рю де ла Пэ была первой точкой, куда устремлялись любители роскоши в Париже. Магазин Ворта находился в доме номер 7, ювелир Меллерио – в доме 9, отель Westminster в доме 11–13; вся улица была заполнена стильными дамами и их богатыми ухажерами. Луи-Франсуа и Альфред всегда знали, что местоположение – это главное; теперь и Луи понял это. Благодаря приданому жены он мог позволить себе такой шаг. Когда часть отеля Westminster была выставлена на продажу в 1899 году, Cartier купил магазин в доме 13, вторую часть дома купила бельевая фирма. Расширение до магазина с большими витринами (занявшего весь дом 11–13 на Рю де ла Пэ) произойдет спустя десятилетие, в 1912 году. Но в тот момент половина нижнего этажа дома была вполне достаточна. Новый магазин оборудовали новейшей техникой, в том числе – электричеством и телефоном. Был и собственный автомобиль для доставки товаров.

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Число 13 всегда было счастливым для Картье. Я не уверен, родилось ли это суеверие до или после того, как Альфред и Луи перевели фирму в дом номер 13 по Рю де ла Пэ. Может, именно поэтому они должны были его заполучить! В любом случае, ко времени моего рождения это было именно так.

На Итальянском бульваре Cartier продавали украшения и другие декоративные предметы, купленные в разных мастерских или у индивидуальных клиентов. Теперь у Луи появилась возможность перевернуть старую бизнес-модель. Он не видел будущего в продаже чужих вещей. Если семейной фирме суждено было выделиться, то это должны были быть уникальные вещи стиля Cartier.

Луи начал собирать команду людей, способных думать по-новому. В школе его ругали за то, что он «витал в облаках», но перед чистым холстом его богатое воображение было огромным преимуществом. Существующие украшения казались ему скучными, и он не хотел нанимать в Cartier уже работающих дизайнеров. Луи мечтал найти «изобретателей» – и вскоре новаторская группа была собрана. Производители кружев, скульпторы и создатели тканей сидели в студии бок о бок с дизайнерами интерьеров, архитекторами и кузнецами.

57-летний Альфред, двигавший компанию с 1870-х годов, оставался в бизнесе до конца жизни. Но с приходом Луи в

фирму как будто влилась новая кровь, старые пути были отрезаны и появилась надежда на будущее. Альфред был счастлив дать сыну возможность создать свою марку, и в августе 1898 года была зарегистрирована новая компания: Cartier et Fils – «Картье и сын». И все же он опасался давать Луи слишком много ответственности. Сын сначала должен был проявить себя (лишь через пять лет, в 1903 году, Луи получил право доступа к банковскому счету компании). Его это не обескуражило и не остановило. Он был переполнен идеями, мечтал модернизировать все стороны жизни компании, даже если это приводило к стычкам с отцом.

Мадам Рико была первой женщиной, работавшей в Cartier. Альфред нанял ее низальщицей жемчуга примерно в то же время, когда Луи начал работать в фирме, с одним условием: она не имела права входить в дом номер 13 по Рю де ла Пэ. Она была очень умелой работницей, но поскольку принадлежала к «слабому полу», Альфред отказывал ей в праве присутствия в мужском коллективе, запирая в собственном офисе, находившемся в доме напротив. Результатом этого странного решения было то, что бесценные жемчужные нити постоянно курсировали взад-вперед, из здания в здание. Луи это совсем не нравилось. Перейдя улицу, он поговорил с мадам Рико и попросил ее тайно работать в доме 13. «Мы не скажем об этом отцу», подчеркнул он, и ей пришлось низать жемчуг в маленькой комнатушке под лестницей. У мадам Рико не было другого выхода: она рисковала

вызвать гнев либо отца, либо сына.

Какое-то время это работало, пока однажды мадам Рико не покинула свою дыру в поисках стакана воды. Альфред, пришедший навестить сына, услышал шелест юбок. Заинтересовавшись, он последовал за звуком и, поймав бедную даму, яростно потребовал объяснений. В ужасе от перспективы потери работы, заплаканная низальщица жемчуга пыталась деликатно объяснить, что мсье Луи попросил ее работать здесь. Альфред бросился вверх по лестнице в офис сына и разразился такой бранью, что его крики были слышны во всем здании. Луи, до сих пор страдавший от того, что его силой принудили к несчастливому браку, не был готов во всем подчиняться отцу. Тем более, когда считал себя правым. Через некоторое время Альфред спустился к дрожащей мадам Рико и сказал ей, что она может остаться. Луи победил.

Ювелирная революция

Через два года после того, как Луи присоединился к отцу в ведении семейного бизнеса, марка Cartier не только оказалась на одной из самых известных торговых улиц мира, но начала получать известность за свои уникальные украшения.

В то время артистический мир был взбудоражен подъемом ар-нуво – стиля декоративного искусства, который черпал вдохновение в свободных текучих формах природы. Такие ювелиры, как Лалик, Вевер и Фуке, использовали полу-

драгоценные камни, формованное стекло и эмаль, создавая украшения, которые ценились за оригинальность и дизайн больше, чем за стоимость материалов. Но Луи не интересовало то, что делали современники, и не нравился ар-нуво. Он хотел делать вечные вещи. Поэтому посылал своих дизайнеров на прогулки по Парижу, настаивая, чтобы они смотрели по сторонам, а не заглядывали в витрины конкурентов. В качестве источника вдохновения его более всего привлекал образ Франции XVIII века; он призывал своих художников внимательно изучать детали исторической архитектуры: украшения над дверями, гирлянды фруктов в Малом Трианоне и балконы с коваными решетками в виде венков. Луи интересовала оригинальная среда прошлого века, а не ее современные интерпретации; альбомы его команды постепенно заполнялись набросками. Именно они, дополненные более детальным изучением книг с орнаментами XVIII века, легли в основу стиля «гирлянда» Cartier. Парижские чугунные балконы с декоративными венками и возвышением в центре превратились в тиары. «В его глазах, – писал впоследствии внук Луи, – XVIII век означал блестящее прошлое и влияние Франции». Он хотел возродить в своих изделиях дух прошлых дней и блеск версальского двора.

Королева Бельгии Елизавета в тиаре 1910 года из платины с бриллиантами

Но вдохновение было только частью создания украшений. Главной проблемой стиля «гирлянда» стала легкость и воздушность – как в металле, так и в драгоценных камнях. Золото и серебро, традиционные металлы для закрепления бриллиантов, выглядели слишком тяжелыми для воплощения замысла Луи: он хотел, чтобы «играли» только бриллианты. И, экспериментируя, начал пробовать другие металлы.

Платина в то время использовалась в основном для промышленных целей и была практически недоступна для ювелиров, поскольку им требовалось совсем небольшое количество. И, как позже отметил Луи, «было непросто превратить тонкий металл в оправу для драгоценных камней». В конце концов, никому не нужна прекрасная тиара, бриллианты из которой падают в суп. Чтобы адаптировать металл для использования в ювелирном деле, Луи пришлось хорошенько посмотреть по сторонам. Решение нашлось в самом непредсказуемом месте – под железнодорожным вагоном. «Только когда мы изучили механику пружин и соединений спального вагона, смогли приспособить металл к своим целям».

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Луи был очень творческим и любознательным человеком, способным к самообучению. Всегда хотел знать, что, как и почему. Большинство людей с

радостью наблюдают за сменой времен года. Дядя Луи был из тех, кто хотел знать, почему и как она происходит. Когда я был маленьким, у него всегда находился для меня новый научный факт.

Вскоре Cartier совершил революцию в ювелирном деле, используя этот яркий и прочный металл. «Толстые крепления из золота и серебра, а также тяжелые бусы, известные на протяжении веков, были ювелирными доспехами, – объяснял он. – Применение платины – как вышивка, придуманная нами революционная инновация». В действительности платина использовалась в качестве эксперимента в ювелирном деле с XVIII века, но совсем не в том объеме, в каком это сделал Луи. Он покупал ее напрямую на платиновых шахтах в России; под его руководством она превращалась в идеально легкую и гибкую основу для закрепления бриллиантов. Таким образом, создавались изящные вещицы, отличавшиеся от громоздких золотых и серебряных украшений.

Позднее Cartier произведет собственный сплав твердой платины, добавив никель и иридий, и завоеует репутацию производителя самой яркой платины. Посетители дома 13 по Рю де ла Пэ – от членов королевских семей до банкиров – были в восторге. Соломон Джоэл, британский финансист, сделавший капитал на бриллиантовых копиях Южной Африки, заказал Cartier украшения, которые показали бы камни в наилучшем свете. В результате получилась корсажная брошь с 34-каратным бриллиантом в форме груши. Эта

вещь 1912 года до сих пор остается примером совершенной работы и уникального дизайна. В 2019 году она была продана более чем за 10 миллионов долларов.

Итак, использование платины, придуманное Луи, стало подлинным триумфом ювелирного дела. Это было поистине великое достижение, открывавшее широкую дорогу. Крепость, легкость и гибкость металла позволяла создавать изящные кружевные украшения. В тонких сетчатых колье-ошейниках платиновые нити становились невидимой поддержкой множеству бриллиантов; создавалось впечатление, что камни магическим образом «плавают» на коже. Одно из таких колье купила королева Александра в 1904 году.

Но еще более важным было то, что уникальные украшения из платины с бриллиантами олицетворяли собой особый «стиль Cartier». Как и было задумано, компания перестала продавать вещи, похожие на тысячи других. Теперь здесь создавались поистине произведения искусства от Cartier. Среди поклонников стиля «гирлянда» были короли, аристократы и богатые наследницы. Тиары были особенно популярны: в них блистали не только при британском дворе, но и во французской столице по вечерам понедельника и пятницы, когда дамы собирались на представление в парижской Опере, следуя затем на ужин – *ужин в диадемах*. Среди важных клиентов, полюбивших тиары в стиле «гирлянда», были Анна Гульд, миссис Кеппель (любовница Эдуарда VII), принцесса Мари Бонапарт и леди Астор.

Безусловно, Cartier не всегда будет использовать XVIII век в качестве источника вдохновения, но принцип Луи, его философия останутся неизменными: возвращение к истокам, глубокое понимание времени и его эстетики. Это и останется в веках как стиль Cartier.

Дочь

В профессиональном плане Луи успешно создавал себе имя, однако семейная его жизнь была далеко не гладкой. Вместе с Андре-Каролиной они переехали в дом на престижной авеню Монтень, принадлежавший ее отцу. И хотя окружающим они казались счастливой парой, вместе посещавшей балы и устраивавшей домашние приемы, Луи признался брату, что по-прежнему беспокоится по поводу поведения жены.

Зимой 1899 года 17-летняя Андре-Каролина объявила, что беременна. Если Луи надеялся на наследника, то ему пришлось разочароваться. В 4:40 утра 9 августа 1900 года на свет появилась Анна-Мари, первая из следующего поколения Картье. После родов Андре-Каролина стала еще более хрупкой. 25-летний Луи чувствовал себя в ловушке из-за ребенка и болезненной жены, поэтому проводил все больше времени вне дома. Его семья это не одобряла: «Какой стыд, что Луи, с его умом, не обладает силой воли», – писал брат Пьер брату Жаку. Но их критика была напрасной.

У Луи был сильный характер, и братья прекрасно понимали, что «ему не нравится менять свои поступки или мнения». Поэтому вместо того, чтобы влиять на Луи, семья Картье попыталась помочь, сконцентрировавшись на маленькой Анне-Мари. 22-летний Пьер, 16-летний Жак и 15-летняя Сюзанн были поглощены племянницей, а Альфред – внучкой; они всегда защищали девочку.

Положительной стороной трудного брака было то, что семья жены по-прежнему открывала двери в высшее парижское общество. Луи посещал приемы, где блистали яркие личности: графиня Греффуль, знаменитая красавица и самопровозглашенная царица салонов Сен-Жермен, принц и принцесса де Полиньяк – наследница состояния хозяина фабрики швейных машин Singer. Он вступил в престижные клубы, такие как недавно образованный парижский теннисный клуб, куда его пригласил кузен Жак Ворт (в дальнейшем он дважды победил в парных соревнованиях Roland Garros). К 1907 году Луи стал членом Cercle Noche – старейшего фехтовального клуба Франции, по рекомендации герцога Деказа и Бернара Десуше, промышленника, ставшего затем хорошим другом.

Помимо бесценных социальных связей, щедрое приданое жены помогало семейной лодке удержаться на плаву. В дополнение к 200 000 франков, полученных Луи в день свадьбы, Жан-Филипп обещал зятю выплачивать 50 000 в год (плюс проценты) в течение 10 лет – начиная с 1 апреля

1901 года. Номинально Луи оставался женатым человеком, но старался проводить дома как можно меньше времени; вскоре он стал известен как завсегдатай парижской ночной жизни.

Второй офис

В ресторане Maxim's Луи Картье был как дома. Знаменитый своим красным диваном и множеством красивых женщин, модный ресторан на улице Руаяль считался социальным и кулинарным сердцем Парижа. Поход туда составлял для Луи приятную 10-минутную прогулку от Рю де ла Пэ – по иронии судьбы мимо церкви Мадлен, где он венчался.

Луи вырос в квартире над магазином Cartier, его пути пересекались со всеми богатыми и знаменитыми людьми Парижа – и ему всегда хотелось быть среди них, а не по другую сторону прилавка. Оскорбленный тем, что «голубая кровь» Парижа отвергала его семью как «торговцев», он наслаждался смешанным обществом в ресторане Maxim's, где художники, бизнесмены и герцоги объединялись в пристрастии к прославленному рыбному филе и послеобеденным ликерам.

Настоящими звездами, однако, были куртизанки. Хозяин заведения Юджин Корнюш заявлял: «Пустой зал? Никогда! В каждом окне у меня сидит красотка, видная с улицы». Они появлялись в ресторане под руку с любовниками, разодетые в пух и прах – в попытке превзойти соперниц. Украшения,

естественно, были важнейшей частью наряда: они должны были показать потенциальным воздыхателям, какова цена красоты и очарования. Некоторые дамы полусвета настолько перебарщивали с украшениями, что, как говорят, Кокто прокомментировал: «Это было средоточие бархата, кружев, лент, бриллиантов и всего того, что я не в силах описать. Раздеть такую женщину – все равно что выйти в свет с предварительным оповещением об этом за три недели. Это просто ходячий дом!»

Из разговоров с Жан-Жаком Картье

Дядя Луи, безусловно, был дамским угодником. И имел успех, поскольку был хорош собой и очарователен. Не думаю, что дедушка это одобрял, он был религиозен, как и два других его сына; но он позволял Луи многое – пока это не влияло на бизнес.

Пробираясь между столиками Maxim's, Луи не мог не обращать внимания на собственные колье и корсажные броши, украшавшие дам. Если во времена Альфреда после франко-прусской войны Cartier поддерживала куртизанка Леонида Леблан, купившая несколько безделушек, то сейчас Луи и его отец уже играли в высшей лиге: дамы приходили в дом 13 на Рю де ла Пэ не за мелочами. Испанская кокетка и актриса Каролина Отеро славилась любовью к украшениям. Эта самая желанная женщина Европы имела очередь из впечатляющих поклонников: от кайзера Вильгельма Второго до короля Испании, персидского шаха и череды русских великих

князей, способных удовлетворить ее страсть к бриллиантам. В 1903 году она заказала Cartier «поразительное с технической точки зрения» кольцо, которое может считаться выдающимся даже сегодня. Камни для кольца она предоставила сама, выпоров их из жакета-болеро, который для нее сделал ювелир Поль Хамелен.

Хьюго, знаменитый метрдотель ресторана Maxim's, знавший всех и вся, описал типичную сцену экстравагантного соперничества между Отеро и Лианой де Пужи, одной из самых красивых ее соперниц:

В один из вечеров разыгрывался приз, когда появилась испанка Отеро, увешанная браслетами, колье, кольцами и тирарой с эгретом. Что за роскошь... Она была очень оживлена, килограммы рубинов, сапфиров, изумрудов и бриллиантов сверкали и переливались на ней. Столик мадам де Пужи оставался пустым. В конце концов появилась она – в простом черном платье, безо всяких украшений. Свои украшения она надела... на служанку, которая стояла рядом, усыпанная бриллиантами. Все в зале были шокированы! Мадам де Пужи победила. Мадам Отеро бросилась наружу, не удержалась и, остановившись у столика мадам де Пужи, страшно выругалась по-испански.

Для Луи, страдавшего от неудачного брака, вечера в Maxim's были облегчением. Но предположение, что его вечера в городе были заполнены времяпрепровождением с прекрасным полом, было бы несправедливым. Он называл

Клуб «своим вторым офисом», и этот офис приносил прибыль. Maxim's был местом, где богатые женатые мужчины встречались с любовницами, поэтому перспективы ювелирных заказов возрастали. И почти каждый мужчина покупал как минимум две вещи: бриллиантовое кольцо для любовницы и продиктованную чувством вины тиару для ничего не подозревающей или огорченной жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.